

Р А Д У Г А,

Ж У Р Н А Л Ъ

ФИЛОСОФИИ, ПЕДАГОГИИ И ИЗЯЩНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

СЪ

присовокупленіемъ

ОСТЪ - ЗЕЙСКИХЪ
ЗАПИСОКЪ,

издаваемый

А. БЮРГЕРОМЪ.

Книжка вторая.

РЕВЕЛЬ. 1832.

Въ типографіи наследниковъ Лидзюсса.

Р А Д У Г А.

КЪ ИЗБРАННЫМЪ

О

ВОСПИТАНІИ.

Въ пренебреженіи у насъ Педагогія, да, въ пренебреженіи, и въ большемъ пренебреженіи. Но чпо пользы, если мы спанемъ только говорить о томъ? Чпо пользы въ словахъ нашихъ, если мы въ поже время дѣлами не усиливаемся вывести ее изъ пренебреженія? Дѣла, дѣла нужны; слова безъ дѣлъ звонъ пуспой!

Но чпо говорю? Многоли у насъ и словъ слышно о воспитаніи! Одинъ, два голоса раздадутся, какъ въ пущынь, и замолкнутъ.*

А дѣла? Кому у насъ бытъ на дѣлъ истинными Педагогами? Многоли у насъ въ си-

лахъ подняться на дѣла, пребуемые великимъ искусствомъ воспианія? Многіе ли у насъ поспигають свяпость сего великаго искусства? Многіе ли изъ обладающихъ дарами душевными, имѣють великій даръ, безъ котораго бытъ воспитателемъ еспь свяпостиспво, даръ небесный самоопверженія? Многіе ли изъ ученыхъ воспитателей нашихъ пылають огнемъ, безъ котораго всякое искусство, всякое вдохновеніе лишь землѣ принадлежитъ, -- огнемъ чистой любви къ ближнему? Одни только спонають да охаютъ подъ ярмомъ службы, которое неспуть не пошому, что оно Хриспво, и легко должно бытъ и приапно, а пошому, что питаются неся его (по слову Св. Писанія, Впороз. 25, 4.). Въ заботахъ о земляной оболочкѣ своей — до Педагогій ли имъ? Единственная мена ихъ желаній — какъ бы спокойно продремать остатокъ полужизни своей. Другіе, когда-то чувспвовавшіе порывы къ высшей жизни, когда-то видѣвшіе во снѣ обоюду острый мечъ просвѣщенія, которымъ и назначило было ихъ опеческое Правительсство владыть на пользу опчизны, съ лѣпами поумнѣли, какъ говорятъ, и предали забвенію грезы и мечты юношескіе и шеперь развѣ изрѣдка вспають изъ за крѣпкѣ, чтобы найпн. развлеченіе въ Вальшерѣ Скопшѣ или въ за-

бавныхъ схваткахъ лихихъ бойцевъ современной журнальной арены. Третьи, нахватавшіеся мудросшей великихъ мыслипелей, бьются изовсѣхъ силъ, какъ бы изъ Взгладовъ и Нѣчповъ своихъ сплести себѣ вѣнокъ безсмертія. Опъ такихъ ли выпязей ждашь возведенія Педагогіи на степень должнаго ей уваженія? — Или не опъ геніевъ ли, копорые, пройдя сквозь огонь и воду человѣческихъ знаній и умспвованій, и, не пережегши земнаго состава своего и не омывшись опъ земли, но закалившись въ крѣпкую спаль, въ изсшупленныхъ порывахъ своихъ, мечупъ вокругъ себя искры своемудрія? Или не опъ порговцевъ ли липерашурныхъ, превращающихъ въ рынокъ Храмъ Испины? —

Съ горестнымъ чувспвомъ опвращается другъ человѣчества опъ сихъ паросповъ, опъ сего дикаго мяса на свящспномъ пѣлѣ опчизны! Но къ кому же обратишься онъ съ сердечными думами своими? — Къ вамъ? Избранные! — Но и вы только избранные, а не исполнили избранія вашего. Въ маленькомъ себѣ сосредоточенные, вы думаете, что только ради вашей особы вы удостоились познать Мудроспъ превѣчную! Сердцемъ умершіе, въ одномъ умѣ живя, вы думаете, что вы всего доспщгли, когда умомъ познали превѣчную Му-

дрость. Пылаешь духомъ сей Мудрости, горѣешь Благоспѣю превѣчною, горѣешь небеснымъ огнемъ любви къ вашимъ ближнимъ — не жаждешь духъ вашъ и не сильно ваше сердце. Какъ боги язычниковъ, засѣли вы на Олимпахъ вашихъ: какое вамъ дѣло до шуманныхъ долинъ, разспилающихся у подножія вашего! Охота ли вамъ, просвѣпленнымъ умамъ, ходишь лучами живительными по шумамъ шумановъ долинныхъ! Охота ли вамъ колошь руки, выпалывая пернь, которымъ поростають души дѣшею опчилены вашей! Охота ли маяться за плугомъ, вспахивая сердца для посѣва Христоновыхъ сѣмянъ!

Деревянные сердца! оживишесь! взгляните на себя! Христовой ли Церкви вы дѣши, Христова ли плѣа вы члены, когда не болише, видя обременяемыхъ шумомъ земнымъ, видя воспалаемыхъ огнями земли — дѣшею опчилены вашей? Духъ ли Свяшій, Любовь ли превѣчная живетъ въ васъ, когда вы, обрѣпая пищу духовную, вливаеесь въ нее когпами духа вашего, какъ хищная птица въ агнца вливается, и, какъ хищная птица, уносишь ее въ ушесы неприступные, чпобы пресыпиться ею въ удаленіи отъ всѣхъ? —

Что пользы, если однимъ вдохновеніемъ ума рождаются дѣянія наши, безъ участія вдох-

новенія сердечнаго? Дѣянія такія могутъ про-
извести только Галашею Пигмаліонову, во
всемъ изящную, лишь — безжизненную. —
Избранные! вы сердце въ плѣхъ Опчизны! по-
днимите взоръ вашъ на вдохновенный умъ, на
попечительное Правительство! Взгляните,
какъ онъ рѣземъ свѣта Христова образуесть
вѣреный ему Творцемъ залогъ! оцупите
вдохновеніе, съ какимъ онъ даесть Опчизнѣ
образъ Божественнаго совершенства! опвѣщъ-
те дѣательной любви дѣательною любовью,
вдохновенію небесному небеснымъ вдохновені-
емъ! —

Но нѣтъ! вы холодомъ, недвижимостью
опвѣчаете. Пусть Правительство будетъ
опеческимъ умомъ великаго плѣа, вы не хо-
тите быть маперинскимъ сердцемъ тогоже
великаго плѣа, вы не хотите священной
воли Его опвѣщивать пламенною дѣатель-
ностью! —

Вы узнали одну цѣль бытія человѣческа-
го — питаются свѣтомъ живой Мудрости: но
неужели и предъоущенія не имѣете, что
есть и другая цѣль для него — питаешь свѣ-
томъ живой Мудрости души голодная?
Правы вы, — сладостно, разсѣкая синеву ум-
ственного неба, на крыліяхъ духа парить за

предѣлы земнаго вѣденія, упопашъ восхищенной душой въ сіяніи Мудрости прежде вѣкъ рожденной, алканіе и жажду духовную упопашъ свѣшнымъ плѣномъ, свѣшною кровью ея; сладости душѣ, вкусившей неба, сливанъ память въ небѣ лепепаніе успѣ своихъ съ сладкозвучными пѣснями сущеснвъ совершеннѣйшихъ: но не ужели вы не угадываете, сколько сладостнѣе, — на лучахъ любви превыспренняго Солнца съ высоты горней низлепашъ въ долины мрака и разливанъ Благодать въ сердца еще не оживленныя, сколько сладостнѣе живымъ звукомъ благовѣщнпелднаго Слова нисходишь въ души нѣмошеснпвующихъ, чшобы и въ нихъ разыграла музыка любви къ Трнсднному? —

Нѣшъ! вы молчите. Ни словомъ, ни дѣломъ вы не нисходите съ надъоблачныхъ высотъ вашихъ. Зная слово Мудрости превѣчной, вы не шолько на дѣлѣ не исполняете ее, но даже не имѣете духа и говорите объ ней предъ шоржеснпвующими молчаніемъ вашимъ мудрецами міра.

Нѣшъ! вы не жрецы вѣчнаго Свѣша, вѣчной Любви, если шолько курите еиміамъ предъ олшаремъ, воздвнгнушымъ въ храмъ души вашей, не заботясь о томъ, чшобы и ближнихъ

вашихъ души приготавливались бытъ также храмами Св. Духа. Богъ-Свѣтъ, Богъ-Любовь не принимаетъ куренія опъ жершвъ вашихъ; какъ дымъ, исчезаетъ оно въ пространствахъ воздуха. Тщепно ваше вѣденіе, тщетно словословіе: вы любви не причастны. Вспомните слова Апостола: „Аще языки человѣческими глаголю и Ангельскими, любви же не имамъ, быхъ яко мѣдъ звенящи, яко кимваль звяцаѣй. И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преспаляши, любви же не имамъ, ничпоже есмь.“

Любовь, Любовь! свѣтѣйшее чувство! Небесная Любовь! что былъ бы безъ тебя весь плѣнный составъ нашъ? Что знанія ума нашего, если не побойю оживлены они? мертвое золото духовное. Что самъ умъ, побойю не одушевленный? яркая искра ада. Святое дыхновеніе Божіе, Любовь! побойю лишь живъ образъ Бога въ груди нашей. Въ комъ ты обитаешь, поютъ оныъ Бога рождень (1 соб. пос. Іоа. 4: 7). и поютъ знаютъ Бога, ибо самъ Богъ есть Любовь (тамъже 8). Три пребывающъ: вѣра, надежда и любовь, но больше всѣхъ ты, Любовь! (1 Кор. 13, 13.) —

Лазурное море! ты живо, ты дышешь! далекое, свѣтлое небо сияетъ

тебя изъ земныя неволи! (*) Паромъ подъ-
 емлешься пы въ объятія воздушныя неба;
 холодъ вечерній застигнешь паръ пивой недо-
 лептвѣвшій до сердца воздушнаго, онъ росой у-
 падаетъ, — но съ упреннымъ солнцемъ упавшій
 снова лепитъ въ воздушную грудь. — Лазурное
 море! зачѣмъ тебя планетъ въ небо, въ воздушную
 грудь? — Грудь воздушная кипитъ огнемъ не-
 ба: она очищаетъ тебя отъ пягопы земной,
 и облаками и тучами возрождаешься пы очи-
 щенное! — Для чего пы возрождаешься облака-
 ми и тучами? — Не для того, чптобы въ новой
 одеждѣ, съ озлащенными Солнцемъ каймами,
 носишься величаясь надъ чадомъ (**) пивоимъ, зем-
 лею, и любовалъсь собою преобразованнымъ въ
 зеркаль самогоже себя еще землею объятаго!
 не для того облакаешься пы въ чернобагровую
 одежду тучъ, чптобы грозилъ землѣ громомъ
 огня небснаго за то, чпто тѣснила она тебя
 объятіями своими! — Нѣтъ, не для того, ла-
 зурное море, паришь пы къ сердцу жениха
 пивоего, чптобы величалъсь предъ землею въ
 воздушныхъ объятіяхъ его! не для того ис-
 паеваешь пы паромъ любви въ огневомъ ды-
 ханіи его, чптобы грозилъ онъ землѣ перуномъ
 своимъ! Сливалъсь въ единый соспавъ съ женщи-

(*) Жуковскій: море. (**) I Петр. 3, 5.

хомъ молищеноснымъ, — слезами дождя живоплворнаго псходишь пы въ жаждущую грудь пшеница пвоего; и гремящій небесный огонь вашъ есть слово любви: оно очищася пшеница опъ избытка плъна земнаго! — Избранные! вы море обширное, сушу опчизны влагой живой омывающее! Далекое, свѣшное небо Мудроспи Христовой влечетъ васъ къ себѣ изъ земныя неволи; съ чистпою жаждою свѣна Его парите вы въ небесныя обьянїя небеснаго жениха вашего! Но, опъ пягоны земной освобожденные, живымъ свѣпомъ Его озлащенные, взгляните съ небесныхъ высотъ вашихъ на поляны жаждой помимыя, на долины дымнымъ воздухомъ пягопимыя! Онѣ вашей влаги живипельной жаждутъ, вашего огня очистипельнаго просятъ. Не давите засыхать имъ, не давите зароспашъ имъ волчцемъ и полыню! Низмелите молнїею въ дымъ густой, огнемъ земныхъ мудровашелей надъ душами возраспающими распилаемый, и разсѣйте его! ниспадите дождемъ благопворнымъ на души юныя, иссушаемыя удушливомъ пымомъ современныхъ мудрованій, и оживите ихъ! Дайте жизнь, дайте бытіе великому искусству, искусству благоспи и любви! Опъ васъ лишь, опъ васъ, Избранные! ждетъ оно могущеспвеннаго дуновенїя, дабы воспрянушь опъ усы-

плесня, въ которое ввергнуто непосвященными! — Избранные! услышите! —

ЗАМѢЧАНІЯ МЕНЦЕЛЯ О ФИЛОСОФІИ

въ Германіи въ 1829.

(Рецензія изъ *Literatur-Blatt*. 1829.)

Нѣмецкая философія находилась нынѣ на поворотной почкѣ, чрезвычайно важной. Правда, и прежде сего каждый значительный философскій умъ производилъ, болѣе или менѣе, перевороты въ Философіи, но тогда дѣло шло только о вышѣшеніи одной философії другою. Теперь дѣло идетъ о существованіи Философіи вообще. Борьба философовъ между собою, прежде столь сильная, нынѣ ослабѣла; напротивъ того теперь оказывается сильное противудѣйствіе Философіи частію извнѣ, частію со стороны оппозитныхъ философовъ. Интересъ, коимъ когда принимала публика въ Кантъ, Фихте и Шеллингъ, превратился въ совершенное равнодушіе, и изъ сего равнодушія наконецъ возникнулъ духъ насмѣшливой неприязни противу Философіи вообще со стороны. Большая часть Натуральныхъ философовъ школы Шеллинговой самопроизвольно дѣлали

Философію до упадка, обратившись совершенно къ Религін, Герресь и Францъ фонъ Бадеръ (въ соединеніи съ Фридрихомъ фонъ Шлегелемъ и Адамомъ Миллеромъ) въ направленіи Капюлическомъ, Спеефенсъ въ Люперанскомъ, Шубергъ въ піэписпическомъ, Троксельръ и частью Эшенмайеръ въ миспическомъ маправленіи. Въ одномъ Окенъ еще твердо держипся Натуральная философія, такъ какъ Крипическая школа Канпа въ Фрисъ и Кругъ. Главная же пвердыня вообще всей философіи прошиву всѣхъ внушренихъ и внѣшнихъ прошивниковъ еспь сдѣлавшаяся въ послѣднее время господствующею большая школа Гегеля.

Противъ Гегеля - по преимущественно возникло вышеупомянутое антифилософическое прошивудѣйспвіе. И не потому собспвенно обратилось оно на него, что сисспема его случайно сдѣлалась теперь господствующею, но потому, что въ немъ прошивуположеніе Философіи съ Религіею разипельнѣе, нежели въ комъ либо прежде него изобразилась, потому что онъ предспавляетъ крайность, non plus ultra философической односпоронности. На сей почкъ должна Философія либо погнупься, либо переломипься. Впрочемъ не противъ него одного возбуждено прошивудѣйспвіе и не имъ однимъ. Оно давно разпро-

сиранилось, и безъ сомнѣнiя еще гораздо болѣе разпространился. Оно есть слѣдствiе общаго движенiя духа времени, который во всемъ оказывается противудѣйствующимъ. И сама Философiя, имѣвшая, какъ извѣстно, такое близкое отношенiе къ вѣку революцiй, теперь, въ вѣкъ прошивуеволуцiонный и возстановительной, необходимо должна принять другое направленiе. Она прежде брала участiе въ испуленiи вѣка, нынѣ должна брать участiе въ презвоспи современной: она зашла было слишкомъ далеко; теперь пришло ей время возвратиться.

Что говорили и писали философы покаившiеся и опъ Философiи оппаднiе прошивъ Философiи, то оспалось часпью въ обласпи школьной, не достигнувъ степени народности, часпью имѣло слишкомъ спрого-религiозное направленiе, и потому не обратило на себя особеннаго вниманiя и при извѣстной старинной борьбѣ Теологiи съ философiею. Но нынѣ возспаютъ и нефилософы и хотяпъ пробудить Философiю опъ ея долгой, тяжкой дремоты и принимаюпся мирить ее съ сущеспенностью. Это возпанiе испосвященныхъ прошиву всего сословiя Философскаго гораздо важнѣе, нежели опспушничество самихъ чле-

новъ сословія. Хотя въ практическихъ и поэтическихъ людяхъ уже давно господствовала сильная антипатія противъ Философіи, но они только отвращались отъ нее съ негодованіемъ или насмѣшками, не дѣлая насупательныхъ движеній. Теперь же противники смѣло вторгаются въ собственную землю непріятеля. — Замѣчательно, что оппозиція собирается подъ знаменами Гете, который уже давно, какъ въ Фаустѣ такъ и въ другихъ сочиненіяхъ, сильнѣе всѣхъ почувствовалъ и выразилъ антипатію противу философовъ. Въ слѣдующемъ занимательномъ сочиненіи ясно изображается это направленіе ума:

Ueber Philosophie überhaupt und Hegels Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften insbesondere. Von Dr. K. E. Schubart und Dr. K. A. Carganico. Berlin. 1829.

(О Философіи вообще и Гегелевой Энциклопедіи Философскихъ наукъ въ особенности.)

Одинъ изъ упомянутыхъ сочинителей, Шубартъ, извѣстенъ какъ разбиратель Гете. Онъ уже и прежде, какъ самъ полагаетъ, доказалъ, что необыкновенный геній Гете поглотилъ всю мудрость міра. Удивительно впрочемъ, какъ Гегеліанцы могли вступить въ борьбу съ Гегеліанцами. Искусственная природа Гете столько же противуположна жизни, какъ и философія Гегеля; она только составляется

другую спорону того искусственнаго міра призраковъ, котораго одна спорона есть Философія; міръ Гегель въ двойной оппической тѣни есть зеленой цвѣтъ, который вмѣстѣ съ краснымъ является и исчезаетъ; тѣже самыя причины пошребны были и по же самое время, чшобы монополія Прекраснаго доспалась во власпъ школъ Гегелевой, какія нужны были для того, чшобы монополія Истиннаго — подпала власпи школы Гегелевой. Что сочи-нишели означенной книги столь удачно упошребляющъ для пораженія Философіи, по можетъ столь же удачно бытъ упошреблено и пропиву обманчиваго міра Эспепическаго. Они называютъ Философію „всемирно - историческою болѣзнію, сопроводительницею однихъ отрицательныхъ состояній, состояній разъединенія (*dissoluter, negativer Zustände der Menschheit*) чедовѣчеспва, однимъ суррогатомъ (замѣнителемъ) высшихъ жизненныхъ силъ“ (коихъ мѣста она однакоже не можетъ вполне заступитъ). Но развѣ не поже самое должно сказать и о Поэзіи, если ею сидался замѣнитъ сущеспвенность и если ее спавяетъ выше сущеспвенности? Развѣ кругъ идей, въ которомъ обращающія Гегіанцы, менѣе чужды природы, чѣмъ кругъ идей новыхъ Софистовъ? Не такъ ли же свирѣпсплвуетъ между тѣми

повальная болѣзнь Эстетической односторонности, какъ между сими — болѣзнь односторонности спекулятивной? —

Упомянутые сочинители начинаютъ книгу свою слѣдующимъ: они утверждаютъ, что всякая частная философская система находится въ такой тѣсной связи съ Философіею вообще, что нападающій на первую и отвергающій ее, нападаетъ вмѣстѣ и на вторую и вторую отвергаетъ. Къ сему присоединяютъ они другую еще болѣе грубую ошибку, утверждая, что еслибы вообще основаніе Философій было возможно, то въ стремленіи къ сему должно бы приписать болѣе всего успѣховъ спараніямъ Гегеля; и въ такомъ случаѣ готовы признавъ Гегеля философомъ по преимуществу. Нѣтъ! Гегель находился только на почкѣ крайности всей Философій, въ спорѣ опъ почки начала, середины и вершины, и кому хотя нѣсколько извѣстна исторія Философій, тотъ безъ сомнѣнія дастъ ему весьма значительное мѣсто въ оной, но ни чуть не первое и не высшее. Изъ того, что философъ рѣшился замыкаетъ какое нибудь одностороннее направленіе Философій, или изъ того, что онъ обращаетъ на себя болѣе всѣхъ вниманіе современниковъ, еще ни мало не слѣдуетъ, что онъ первый и величайшій философъ. Очень

много и неоспоримо истинного заключается в сей книге. Утверждал, например, что Философія никогда не въ силахъ достигнуть до совершеннаго познанія истины, сочинители по крайней мѣрѣ не противоречатъ опыту. Прицая надменность философовъ, почитающихъ единственно себя мудрыми и съ небреженіемъ смотрѣвшихъ на всѣхъ нефилософовъ, хотя бы они были величайшіе герои, поэты, даже мыслители, они утверждаютъ то, что безъ сомнѣнія всякой благоразумной вмѣстѣ съ ними чувствуешь; и въ томъ должно съ ними совершенно согласиться, что практическіе и поэтическіе люди гораздо болѣе совершили, съ самаго начала Истории, и болѣе важнаго, нежели что когда либо происходило изъ Философскихъ школъ. Но вовсе отвергая Философію и почитая смѣшнымъ предлагать вопросы, коихъ никогда не возможно рѣшить, почитая Философію уклоненіемъ отъ пути истиннаго, ведущимъ духъ неминуемо къ заблужденію и возбуждающимъ его только къ безполезному истощенію силъ, — они сильно заблуждаются. Не исчисляя всего, что произвела Философія со временъ Платона истинно превосходнаго, не говоря о великомъ всемірномъ вліяніи, которое она имѣла на людей (безъ сомнѣнія въ соединеніи съ

другими направленіями духа), вспомнимъ чѣмъ пребываніе и источникъ ея находишся въ самомъ человѣкѣ, и чѣмъ великій былъ бы промежутокъ не только во всемірной исторіи но и въ духѣ человѣческомъ, еслибы небыло Философіи. Главныя положенія сочинителей суть слѣдующія:

„Сущность ума состоишь не въ томъ, чѣмъ сообщашъ человѣку способность дѣлать все возможнымъ, но въ томъ, чѣмъ съ совершенствомъ исполняшь возможное и обязанностью предписываемое.“

„Философія же старается сдѣлать все возможнымъ, беретъ себѣ въ задачу міръ, тогда какъ прочія науки и искусства довольствуются обработываніемъ принадлежащаго лишь собственно къ ихъ кругу дѣйствія.“

„Задача такая могла бы быть прилична юношескому уму, которой еще не имѣешь достаточнаго понятія о мѣрѣ и свойствахъ силъ своихъ и окружающаго его міра, и которой почитаетъ вселенною проспранство его бытіемъ занимаемое. Если, какъ слѣдствіе сего заблужденія юношеской самоувѣренности, развилась Философія у Грековъ, которые въ ближайшемъ, въ настоящемъ, равно какъ въ отдаленнѣйшемъ видѣли и чувствовали лишь себя самихъ, которые безъ всякаго затрудненія

создавали боговъ по образу человѣческому, провозглашали собственное жилище средоточіемъ земли, средоточіемъ цѣлаго міра: по имъ оригинальная сія философія весьма проспительна и еспешивенна, ибо человѣчество было тогда поставлено самою природою въ такое соспояніе, въ которомъ оно не въ силахъ было проспереть взора ни выше природы ни выше себя. Въ новѣйшее же время, когда преграды сіи большею часпію упали; не чѣмъ инымъ можно почишашъ Философію, какъ преднамѣреннымъ погрѣшеніемъ; и сколько такое погрѣшеніе проспительно и даже любезно въ юности, сполько оно въ зрѣломъ возрастѣ порицательно и несносно.“

Теорія: „исполняй какъ должно малое и часпное о великомъ и цѣломъ оспавъ заботу Богу!“ весьма односторонна. Я думаю съ Шиллеромъ, что въ пѣсномъ кругу сѣужаешся нашъ духъ, и что человѣкъ роспешъ вмѣстѣ съ великими цѣлями! Великія цѣляя — вселенная, Богъ, міръ человѣческой должны и могутъ бытъ предметомъ и цѣлью дѣятельности человѣческаго духа. Въ семъ отношеніи духъ человѣческой всегда равно юнъ и спаръ; во всѣ времена — лишь сполько выходилъ онъ изъ жизни живописной, поспчасъ начиналъ размышляшъ, философспивовашъ. И Греческая

Философія также не можетъ быть названа юношескимъ объясненіемъ, какъ новѣйшая слѣдствіемъ шарческой дряхлости, напрошивъ въ обѣихъ, взявшихъ въ цѣлостномъ значеніи, господствуетъ сильное, здоровое мужество, сколько бы болѣзненныхъ чрезмѣрностей ни обнаруживалось въ часностихъ. И даже совершенно въ противоположность положенію сочинителей можно утверждать, что недосыпнокъ Философіи былъ естественъ дѣйствию древнихъ народовъ, и что боясь Философіи въ новѣйшія времена есть какое-то ребячество, есть слабость, дряхлость. Превосходное правило, „исполняй все въ совершенствѣ,“ ни мало не исключаетъ Философіи, а напрошивъ должно быть и къ ней приноровлено.

Вопръ результатъ всего ихъ изслѣдованія: „Если Гегель можетъ приписать себѣ заслугу, что въ анархическое время мысленія утвердился въ крѣпкой позиціи, то онъ въ такой только степени овладѣлъ анархіею, въ какой, напри-мѣръ, Бонапарте овладѣлъ Французскою революціею, который только по видимому примирилъ революцію съ политическимъ и нравственнымъ состояніемъ прочаго Европейскаго свѣта, изгнавъ Якобинскія формы и правила и возвративъ давно признаннымъ формамъ ихъ прежнюю значительность, или по крайней

мѣръ сдѣлавшись привесши свои новыя созданія въ аналогію съ ними. Но также какъ Бонапарте ужаснымъ гениемъ своимъ былъ опаснѣйшій врагъ и противникъ всего посшояннаго, ибо не испребилъ правилъ революціонныхъ но шолько привелъ ихъ въ порядокъ и освѣтилъ удивительнымъ блескомъ своей геніальности: такъ точно и совершенное исполненіе всѣхъ начертаній Гегелевой философіи не мѣнѣе измѣнило бы весь духовной, ученой, нравствен- ный, религіозной бытъ Европейскаго міра, еслибы нельзя было ожидать, что такое по- кушеніе вспрѣмилъ сильнѣйшую препону въ образованности и благоразуміи настоящаго времени, также какъ и дерзкія Наполеоновы завоевательные планы должны были разбиѣсь о скалу великодушія и праводушія государей и народовъ.“

Если тщательно ошдѣлишь все, что сочинили говорятъ противъ Философіи вообще отъ того, что говорятъ они про- тивъ Гегеля, то въ послѣднемъ откроется весьма много истиннаго и справедливаго.

Кромѣ сего сочиненія вошъ еще три, об- ращенные противъ всемогущества Гегелева уч- енія все болѣе и болѣе разспроспраняющагося:

Briefe gegen die Hegelsche Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften. Erstes Heft. Berlin. 1829.

(Письма противъ Гегелевой Энциклопедіи
Философскихъ наукъ.)

Ueber den gegenwärtigen Standpunkt der philosophischen
Wissenschaften, in besonderer Beziehung auf das System Hegels.
Von E. H. Weiße, Professor an der Universität zu Leipzig.
Leipzig. 1829.

(О нынѣшней почкѣ споянія Философскихъ
наукъ, съ особеннымъ отношеніемъ къ сис-
темѣ Гегеля.)

Ueber die Hegelsche Lehre, oder: absolutes Wissen und
modernen Partheissinn. Leipzig. 1829.

(О Гегелевомъ ученіи или абсолютномъ
знаніи и новѣйшемъ пантеизмѣ.)

Первое сочиненіе нападаетъ на Гегеля съ
его самой сильной стороны, со стороны Логик-
ки, и Логикою. — Сочинитель естъ мысли-
тель рѣдкой провищательности и съ рѣдкою
логическою граціею; прилично слѣдовать за
нимъ по лабиринтамъ опвлеченнѣйшей изъ
всѣхъ наукъ. Онъ пишетъ шакъ ясно, какъ
думаетъ, и украшаетъ слогъ свой оспроуміемъ
и пронию, своенравіемъ ума, чувствующаго
свое превосходство. Такое своенравіе было бы
порищательно, естлибы сочинитель имѣлъ
дѣло не съ такимъ противникомъ, каковъ Ге-
гель, который самъ всегда и грубо и дерзко
обращался съ другими философами. Опровергая
Гегелево положеніе: что философія его естъ

безконечное знаніе всего бытія, онъ воору-
жается здоровою логикою Кантовой философіи,
утверждающей какъ извѣстно, что человекъ,
будучи самъ ограниченное, конечное существо,
можетъ постигать только конечное и огра-
ниченное и что ни посяканіе (*Sehnsucht*)
по безконечномъ, ни высокомѣріе, считающее
конечное безконечнымъ, никогда не въ силахъ
вывести насъ изъ предѣловъ нашего условнаго
земнаго знанія.

Второе сочиненіе начинается съ точки
болѣе практической, политической и исто-
рической и преимущественно старается, ха-
рактеризуя всю систему Гегеля, доказать не-
лѣпость его ученія о Государствѣ. Также спра-
ведливо нападаетъ сочинитель на Гегелеву
апофеозу Настоящаго, которою ограждаетъ
отъ взора Будущее и отвергается всякое усо-
вершенствованіе.

Третье сочиненіе смотритъ со стороны
Религіозной и старается доказать, что един-
ственной задачей нашего времени должно
быть соединеніе Философскаго познанія съ
Вѣрою, истинъ найденныхъ спекулятивною
Философіею съ истинными Откровеніями, короче
— соединеніе Философіи съ Христіанствомъ.
Въ Гегелевой же системѣ сочинитель нахо-
дитъ величайшее препятствіе къ сему соеди-

ненію, ибо система его имѣетъ цѣлью замѣнить Религію Философіею и повсе опровергнувъ необходимость Религій, допуская не посредственное философическое познаніе истины, къ коему по его мнѣнію догматы Вѣры относятся, какъ одежда, образъ, или символъ — къ чистой мысли!

Вотъ еще сочиненіе, любопытное въ отношеніи къ состоянію современной Философій въ Германіи:

Aphorismen über Nichtwissen und absolutes Wissen im Verhältnisse zur christlichen Glaubenserkenntnis. Beitrag zum Verständnisse der Philosophie unserer Zeit. Von Carl Friedrich G. .l. Berlin. 1829.

(Афоризмы о незнаніи и безусловномъ знаніи въ отношеніи къ Христіанскому знанію посредствомъ Вѣры. Для уразумѣнія философіи нашего времени.)

Сочинитель предпринимаетъ пополнить найденный сочинителемъ предъидущей книги промежутокъ между Философіею и Религіею -- положеніемъ, что собственно не существуетъ сего промежутка. Онъ почитаетъ всякую пропаганду ложностью между Вѣрою и знаніемъ только оппическимъ обманомъ, полагаетъ, что Философія вѣруетъ, а Вѣра мыслитъ, что результаты истинной Философій и истинной Вѣры всегда одни и тѣже; и что только ложная

Философія и ложная вѣра производятъ сію противуположность. Гегелеву систему починаетъ онъ истинною Философіею.

Далѣе утверждаетъ сочинитель, что существенное единство Христіанства и Философіи неуничтожаетъ ихъ формальнаго различія.

(Оконч. въ слѣдующей книжкѣ.)

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Почтенный издатель Радуги!

Съ неописанною радостью получилъ я первую книжку вашего Журнала. Радуга ваша, ежели она, какъ я понимаю, завѣтъ ширины послѣ волненія умовъ, надежда безопасности послѣ всемірнаго попопа превратившихъ и возмущившихъ ученій, Радуга ваша освѣжила сладоспѣйшею надеждою сжатое скорбью сердце мое, какъ дождь благопворный освѣжаетъ нашу спящую землю, послѣ засухи. — Живя уединенно въ опдаленномъ пріюти моемъ, безприсрастно наблюдаю я за ходомъ ума человѣческаго и того, что называется нынѣ просвѣщеніемъ, то есть за направленіемъ наукъ и Литературы по духу времени. — Вижу какъ цѣль мудрости

человѣческой отвязываютъ опъ небеснаго звѣна ея, и бросають на попраніе языковъ; какъ духъ невѣрія распростираняетъ владычество свое на всѣ науки и Липшерашуру; какъ нравственна холера сія пробирается и къ намъ, по широкому пупи склонности нашей подражать всему иноземному, опъ покроя жилета до образа мыслей и чувствъ. Смопрю изъ за кулисъ на сцену міра и вздыхаю! — Вокругъ раздается одно эхо, механически повноряющее бредни чужеземные рабское имъ подражаніе, лепепаніе беспалантное въ ихъ смыслъ, грубые списки съ сочиненій по крайней мѣрѣ оригинальныхъ. — Куда обратишься? кому сообщишь нѣкоторое неподтакиваніе духу времени, нѣкоторыя истины, утврждаемыя умами независимыми опъ его тиранства? — Инквизиція лжефилософій пошерпишь ли хопя одно возраженіе на всемірно господствующіе догматы ея? — Вотъ среди какого грустнаго раздумья явилась мнѣ Радуга ваша! Можете себѣ предспавишь, какъ я ей обрадовался; какъ сей цвѣпистый отблескъ Солнца истины очароваль взоръ мой. — Благодарю и поздравляю васъ! — да благословишь Богъ предпріятіе и трудъ вашъ, смѣлый Паршизанъ добраго просвѣщенія. Пора, пора образумишь людей благонамѣрен-

ныхъ, заводимыхъ въ гибельныя заблужденія одною неопытносью, легкомысліемъ и чаще всего общимъ увлеченіемъ. Пора показашь, что просвѣщеніе истинное, полезное обществу, не разлучно съ свѣтомъ шой самой вѣры, въ тихихъ убѣжищахъ копорой оно возникло, сбереглось и воспитано, что, по выраженію Бакона, одна Религія естъ аромашъ предохраняющій науки отъ гніенія. Подвизайтеся на благо Церкви и Царей и всѣ люди благонамѣренныя, Христіане искренніе, друзья порядка, законности и полезнаго просвѣщенія къ вамъ присоединятсѣ добрыми желаніями и полезными трудами. — Спѣшу упредишь ихъ приношеніемъ и моею лепшю; ежели можете вы бышь на что нибудь пригоденъ:

Опломокъ отъ философскаго мозаика
спешнаго опшельника.

.. Самая пагубная удвка духа времени состоишь въ избѣжаніи опредѣленій и подмѣнѣ словъ. Что естъ Философія? — Можете ли она значить одно и тоже у язычниковъ и у Христіанъ? — Взглянемъ на сіе: Философія, любомудріе, разысканіе истины, возникла, весьма естественнымъ образомъ, въ умѣ нѣхъ геніевъ языческаго, кои, познавъ безуміе идолопоклонства и убѣдѣсь изъ природы въ необходимости единого шворца ея, искренно

вдались въ системапическое обдумываніе сей великой истины. Но какъ ни какой умъ падшаго человѣка самъ собою вполнѣ постигнуть ее не можетъ, и только во врожденной общей мысли о началѣ всего и виновникѣ всего видимого и сущесивующаго, опыскиваетъ одно темное воспоминаніе какъ бы нѣкоего первобытнаго познанія; то и спарались они опкрытъ положительнѣйшій слѣдъ сей истины выше себя, у народовъ древнѣйшихъ; полагая, вѣроятно, что преданіе ея, опъ начала міра идущее, какъ то и дѣйствительно, у нихъ самихъ заперялось. Они ѣздили въ Египетъ. Тамъ жрецы, въ чудесныхъ пирамидахъ своихъ, недоступною тайною и спрашными испытаніями загородившіеся опъ фанапической полпы, кошкамъ и луку поклонявшейся, чипали безъ всякаго сомнѣнія книги Моисеевы, вѣровали въ Бога единого и можетъ быть разгадывали, изъ пророчества Книгъ священныхъ, объшованіе Мессіи. Слѣды сего заключенія очевидны въ ученіи Пифагора и Платона. Поклоненіе Александра великаго первосвященнику Іерусалимскому, Книга Сибиллъ, Лакпанціемъ упоминаемая, извѣстная пророчесивомъ о Христѣ, одиннадцатая Эклога Виргиліева, все доказываетъ, что законъ Іудейскій и даже смыслъ пророчесивъ о рожденіи Мессіи, о происшесш-

віяхъ съ нимъ сопряженныхъ и о самомъ его времени, былъ всемірно извѣстенъ. — По Филону и Іосифу судить можно, что Іудеи, задолго до смѣшенія ихъ съ Греками, были народъ самый просвѣщенный и причина сего легко разгадывается. Откуда Греки заимствовали календарь? Невпонтъ опдалъ справедливостъ Іудеямъ въ семъ отношеніи. По примѣру Даніила можно судить, какъ отличные мужи сего народа были уважены въ Вавилонѣ, гдѣ безъ сомнѣнія процвѣтали науки. Славный Раввинъ Маймонидъ говоритъ, что по окончаніи великаго плѣна, многіе Іудеи не хотѣли возвращишься въ отечество и оспались въ Вавилонѣ, гдѣ наслаждались они совершенною свободою и величайшимъ уваженіемъ и что храненіе всѣхъ тайныхъ архивовъ, въ Эхбапанѣ, было поручено избраннѣйшимъ изъ нихъ. Пепръ Кунеусъ, въ своей Еврейской Республикѣ, рассказываетъ любопытный анекдотъ Аристошеля, который, послѣ разговора съ однимъ Іудеемъ, въ Азіи, утверждалъ, что всѣ отличнѣйшіе ученые Греціи кажутся ему, предъ нимъ, нѣкоторымъ родомъ варваровъ. — Переводъ книгъ священныхъ на языкъ, тогда всемірный, и разсѣяніе Іудеевъ во всѣ страны свѣта, сдѣлали всеобщимъ познаніе закона Моисеева, который слу-

жилъ введеніемъ къ откровенію Христіанскому. Іудеи, извѣстные своею безпримѣнною вѣрностію и опвагой, были упошребляемы различными Государями въ ихъ войскахъ. Александръ предпочиталъ ихъ всѣмъ другимъ воинамъ. — Лагъ поручилъ имъ важнѣйшія крѣпости Египта; а для защиты городовъ, имъ завоеванныхъ въ Либіи, онъ поселилъ въ нихъ Іудеевъ. Одинъ изъ наслѣдовавшихъ ему Птоломеевъ торжественно велѣлъ перевести священныя ихъ книги. — Евергестъ, завоевавъ Сирію, ходилъ на поклоненіе въ Іерусалимъ, принесъ многія жершвы и обогатилъ храмъ драгоценными дарами. Филомешоръ и Клеопатра поручили двумъ мужамъ изъ сего народа управленіе царствомъ и начальство надъ войскомъ. — Такъ исполнилось слово Товиша къ брашьямъ его: „исповѣдайся Ему, сынове Іизраилевы предъ языки, зане той разсѣяна въ нихъ.“ — Дворъ Императоровъ Римскихъ имѣлъ большое почтеніе къ храму Іерусалимскому. Когда Каій Агриппа проѣхалъ Іудею не поклонясь Богу Іудейскому; по прадѣлу его Августъ весьма на него заподозрился и здѣсь примѣчательно то, что ужасный голодъ, вскорѣ за симъ свирѣпствовавшій въ Римѣ, былъ, общимъ мнѣніемъ, приписанъ сему небреженію Агриппы, а въ слѣдъ за тѣмъ, какъ

бы для исправленія онаго, Августъ, величайшій и самый пошолный врагъ всѣхъ иновѣрцевъ, повелѣлъ ежедневно приносить, на щепъ свой, всесоженія на Иерусалимскомъ жертвенникѣ. Ливіа, супруга его, послала въ храмъ великолѣпные дары. — Отъ двора Императора распространилось сіе уваженіе къ Религіи Іудейской во всѣхъ народахъ, до такой степени, что прикосновеніе къ Св. Книгамъ ея или къ деньгамъ, въ Иерусалимъ посылаемымъ, починалось свяшоташствомъ, подлежащимъ немедленному наказанію. — Селянъ, любимецъ Тиверія, ненавидя Іудеевъ, пыпался взвести на нихъ подозрѣніе въ заговорѣ, для вѣрной ихъ пагубы. Тиверій оставилъ извѣсть сей безъ вниманія; ибо, сказалъ онъ, съ весьма тонкою проницательностію: „Народъ сей, по началамъ своимъ, никогда не подниметъ руки на царя.“ — Храмъ Иерусалимскій былъ окруженъ порпикомъ, въ который допускались язычники и куда спекались они толпами молились Богу невѣдомому, на Сіонѣ покланяемому. Никто не спрашивалъ ихъ, какъ они вѣровали, и Евангеліе, безъ удивленія и укоризны, повѣспвуетъ, какъ приходили они въ праздникъ Пасхи, на поклоненіе въ Иерусалимъ. — Когдаже умъ человеческій достапочно былъ приготопвленъ симъ великолѣпнымъ богослуженіемъ — тогда

— явилось Христіанство, немедленно сдѣла-
лось извѣстнымъ и было благоувѣствовано
въ Римѣ, и сіе изъясняетъ, почему Сенека про-
повѣдуетъ догматы Моисеевы и Евангельскіе.
Онъ могъ читать все Св. писаніе на Гречес-
комъ языкѣ и одна книга премудрости была
доступна къ тому, чтобы открыть ему
ограниченность философіи языческой. Про-
симъ замѣтить сей ходъ двухъ откровеній
Божіихъ въ дѣйствіи его на знаменитѣйшіе
умы древности — отъ Вавилона до Рима —
и починая себя въ правѣ сдѣлать идола на-
шего вѣка, разуму человѣческому, слѣдующее
предложеніе: „не разсудитъ ли онъ за благо
поискать правъ своихъ на мудрость неоп-
кровенную, но имъ самимъ открытую,
гдѣ нибудь повыше общихъ нашихъ съ
нимъ двухъ Божественныхъ открове-
ній; а откуда не сыщешь историческихъ до-
кументовъ своей самоспопашельности, мы про-
симъ его не бить своей кормилицы!“

И такъ понятіе о единствѣ истиннаго
Бога, сверхъ врожденной о немъ мысли, въ
преступныхъ поколѣніяхъ человѣчества иска-
женной въ идолопоклоненіе, впорочно обновлено
въ умахъ людей избранныхъ чрезъ познаніе
откровенія Іудейскаго. Тѣ изъ нихъ, кои
не принявъ вѣры сего народа вполне, заимство-

вали изъ нее одно познаніе о единствѣ Божіемъ, сославили себѣ особенную Систему понятій о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Сіи Системы получили въ Греціи названіе Философій и дѣйствительно его заслуживали; ибо, по мѣрѣ обширности ума и чистоты сердца ихъ изобрѣтателей, представляли онѣ, болѣе или менѣе совершенныя, исповѣданія, болѣе или менѣе удобныя пути для перехода отъ язычества къ Христіанству. — Но сіи свѣпила мудрости человѣческой, какъ огни блудящіе, могли блистать только во мракѣ идолопоклонства; какъ же скоро самое солнце истины возшло; то свѣтъ ихъ померкъ. И дѣйствительно, какъ ни велики были усилія ума для разгаданія нѣкоторыхъ сверхъестественныхъ истинъ, сколь ни удивительны даже успѣхи въ томъ нѣкоторыхъ, что значили онѣ предъ ученіемъ, самою мудростью, самымъ Богомъ возвыщеннымъ? Нѣмоществованіе Сократовъ и Платоновъ что значить предъ нѣсколькими спроваками символа вѣры, каждому Христіанскому младенцу извѣстнаго. — Умолкли орacula, онѣмля мудрость человѣческая. Самъ Богъ сказалъ не мудрымъ: „Шедше научите!“ Чему и чему учить, ежели бы прежніе учили были хороши? — Ежели бы мудрость языческая или даже и Иудейская была

доспапочно для окончательнаго воспитанія челоѣчества; то на что было бы Богу воплощаться, жить среди міра грѣховнаго, переносить всѣ бѣдствія земной жизни, терпѣть поруганія, спрдашь и наконецъ вкусить жесточайшую смерть преступника? — Мудрость языческая, столь удивительная и превосходная предъ челоѣками — безуміе предъ Богомъ, она земна, бѣсовска по слову великаго учителя языковъ. — И сіе дѣйствительно всякому очевидно, ибо какъ скоро мудрость небесная возсіяла, едва слово жизни проглаголало; то мудрованіе челоѣческое, сбросивъ съ себя прежнюю личину лицемерія, показало кшо и опъ куда оно! — Въспню пихихъ бесѣдъ и преній въ алеяхъ академій зажгло костры, поставило плахи, воздвигло кресты, выпустило львовъ! — Но палачи наконецъ успали, дикіе звѣри пресыпились, костры погасли въ рѣкахъ крови мученической, оракуль Аполлона (какъ утверждаетъ Порфирій. Euseb Praer. Evang.) сказалъ: „скорѣе можно будетъ вырѣзывать на водѣ и лепашъ съ легкостью пшицы, нежели заставитъ Христіанина перемѣнить вѣру.“ — Три кровавыя вѣка пыпокъ и казней, аргументъ ad hoc философіи противъ мудрости небесной остался безуспѣшнымъ; ибо, еще при

жизни мучишелей болѣе половины всемірной Имперіи приняло уже Св. крещеніе. — Но философія языческая и тогда еще не опичалась въ побѣдѣ, еще не оставила поля битвы. Тѣ самые, которые изъ школы философовъ перешли въ Христіанство принесли въ него формы умствования философскаго; а опцы церкви первыхъ вѣковъ, обращая учениковъ Аристотелевыхъ принуждены были говорить съ ними ихъ языкомъ и такимъ образомъ формы и даже самая терминологія философская прокрались, такъ сказать, въ церковь Христіанскую; но не могли бытъ вредными до колѣ изъ смѣси догматовъ вѣры съ предразсудками язычества, съ навыками къ мечтаніямъ философскимъ не составились ереси, которыя, искали уронить, подмѣнять ученіе Евангельское чудовищнымъ смѣшеніемъ шумы со свѣтомъ, подъ благовиднымъ, но коварнымъ предлогомъ, соединенія Вѣры съ Философіею (сія уловка своемыслія, и нашъ вѣкъ обморачивающая, поже не новая, она принадлежитъ къ первымъ вѣкамъ церкви и въ особенноти къ вѣку Іуліана). Такъ перешла Философія къ народамъ Христіанскимъ. Всегда враждебная положительному вѣроисповѣданію и правительству, по характеру, нравамъ, роду правленія разныхъ странъ принимала она

разные виды. Холодно-богохульная въ Англіи, запѣйливо-ругательная во Франціи, грубочувствѣнная въ Испаніи, теософо-иллюминацiйская въ Германіи, она ничего не изобрѣшала и не могла изобрѣсти новаго, но только поспоянно облекала разные древнія и самыя грубыя ереси новыми, болѣе или менѣе запѣйливыми, смотря по вѣку, личинами. Сіе легко можетъ быть доказано параллельнымъ сводомъ древнихъ расколовъ со всѣми главнѣйшими ученіями такъ названныхъ философовъ, отъ Спинозы до Канта, Фихте, Шеллэнга, Круга и Гегеля. Вотъ почему всегда быть и будетъ бесполезенъ трудъ людей искренно желающихъ примирить Философію съ Религією, ученіе Божественное съ расколомъ, пьму со свѣтомъ. Алкоранъ гораздо ближе къ Христіанству, нежели сіи непримиримыя съ нимъ секты! (другой кусокъ мозаика приспавишся послѣ.)

Вашъ усерднѣйшій доброжелатель

М. Простодумовъ,
Помѣщикъ села Спасскаго, Сарашовской
Губерніи.

О н в ѣ ш ъ.

Милостивый Государь,

Издашесь изъясляетъ искреннѣйшую признательность какъ за сообщеніе ему любопытнаго опцюма философскаго мозаика

вашего и обѣщаніе доставлять ему и впредь подобныя опломки мозанковъ, шакъ и за радостныя чувствованія, возбужденныя въ немъ приемомъ, копорого вы удостоили первую книжку Радуги. Вы прочли любовь, съ кою онъ опважился на дѣло, можетъ быть превышающее его силы и — одобряете его предпріятіе, и одобряете его сочувствіемъ и даже содѣйствіемъ вашимъ; вы, безъ сомнѣнія, увидѣли и много слабыхъ споронъ въ первомъ плодѣ сердечныхъ думъ его и — прощаете ихъ, не обращаете на нихъ вниманія! Можетъ ли издатель послѣ подобныхъ сему одобреній не употребить всѣхъ своихъ силъ на возможное усовершеніе начатаго? — Впрочемъ, милостивой Государь, онъ долгомъ поспѣваетъ сказать, что ободрительныя выраженія ваши слышкомъ много ему приписываютъ. Онъ еще не имѣетъ къ себѣ столько довѣрія, чтобы начинать себя въ правъ — образумливать заблуждшихъ. Чувствуя себя счастливымъ, что, послѣ щепетнаго исканія Истины въ себѣ и въ преходящихъ опблескахъ ея, наконецъ нашелъ ее воплощенную и безусловно увѣровалъ въ нее, онъ — только желаетъ, изъ корня сердечнаго жслаетъ, чтобы сочувствовали ему ближніе его; и ему, правда, больно будетъ, если любовью рожденныя сердечныя думы его холодомъ будущъ встрѣсны, но онъ и тогда въ себѣ гошовъ искать вины шому. Да и человеку ли привлекать заблуждшихся ко Христу, когда самъ Христосъ сказалъ, въ Ев. Іо. 6, 44: »Ни ктоже можетъ прийти ко мнѣ, аще не Отецъ пославый мя привлечетъ его.«

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣетъ пребыть

вашимъ

покорнѣйшимъ слугою издатель.

АННА МАРГАРЕТА ЦВАНЦИГЕРЪ.

Истинное произшествіе.

Подъ именемъ Наннеты Шенлебень, урожденной Цванцигеръ, изъ Нюрнберга, жила въ

1807. году въ Пегницѣ, въ Байрейтской области, лѣтъ пятидесяти вдова. Она пропиталась вязаніемъ чулокъ и за доброе поведеніе свое пользовалась всеобщимъ уваженіемъ. 1807 года 25. Марта наслышавшійся о ея добрыхъ качествахъ Юстицъ-Амшманъ Глазеръ взялъ ее къ себѣ въ домоводки. Онъ жилъ тогда въ Казендорфѣ опѣдившись опѣ жены. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Глазеръ снова соединился съ женою, которая однакоже чепыре недѣли спустя очень занемогла и вскорѣ умерла. Шенлебенъ, спустя мѣсяцъ, 25. Сентября, перешла опѣ Глазера къ Юстицъ-Амшману Громану въ Санпарель въ домоводки же. 38. лѣтній Громанъ былъ человѣкъ хворый, и часто ревматизмы препящствовали ему даже вспавать съ постели. Шенлебенъ всегда чрезвычайно заботливо ухаживала за больнымъ, но 1809. года весною онъ захворалъ сильнѣе прежняго и спустя одиннадцать дней умеръ 8. Маія. Домоводка его, неоспалявшая его никогда и при послѣдней болѣзни, съ величайшею заботливостію ухаживавшая за нимъ, была неуспѣшна. По смерти его она оспалась опять безъ мѣста. Но слава ея, отличное умѣніе вести хозяйство, человѣколюбіе, услужливостъ и внимательностъ при хожденіи за больными вскорѣ доставили ей новое мѣсто. Жена Камеръ-Амшмана Гебгарда,

которой должно было скоро разрѣшиться отъ бремени, взяла ее для смотрѣнія за хозяйствомъ и хожденія за нею въ болѣзни. Предупредительная и услужливая Шенлебенъ приняла охотно это мѣсто, и съ самаго дня родовъ (13. Маія 1809. года), не переспавала съ величайшею дѣятельностію по за домомъ смотрѣть, по ухаживать за родильницею. Однакоже чрезъ три дня послѣ родовъ родильница захворала и въ продолженіи семи дней болѣзнь безпрестанно усиливалась и она должна была 20. Маія умереть. Гебгардъ послѣ смерти жены оставилъ Шенлебенъ у себя домоводкою, хотя многіе описовѣывали ему это. »Эта Шенлебенъ, говорили, куда нѣй придется вездѣ смерть съ собою приносить; вошь уже въ короткое время три молодыя особы, у которыхъ жила Шенлебенъ, одна за другою умерли.« Гебгардъ, зная ея поведеніе, честность, скромность и человеколюбіе, незахотѣлъ ее оппущивать. 1. Сентября у Гебгарда были гости. Въ саду у кегельнаго капка за нѣсколькими кружками пива препровождали они время въ разговорахъ и беззаботномъ веселіи. Но въ этотъ же день и онъ и четверо изъ гостей занемогли, такъ, что Гебгарду нужна была даже помощь врача. Это происшествіе возбудило въ Гебгардѣ непріятныя чувствован-

нія противъ Шенлебенъ. На другой же день опказалъ онъ ей и, давъ ей свидѣтельство въ вѣрности и честномъ поведеніи, былъ радъ, какъ говорилъ, что наконецъ это загадочное и зловѣщее существо оставитъ его домъ. Шенлебенъ была чрезвычайно удивлена такимъ внезапнымъ опказомъ, но не переставала быть учпивою. 3. Сентября назначенъ былъ опъѣздъ ея изъ Санпарелля въ Байрейпъ. На канунъ опъѣзда вечеромъ она съ заботливостью все въ домъ привела въ порядокъ. На другой день утромъ напоилъ двухъ служанокъ кофеемъ проспала съ ними съ особеннымъ благоразположеніемъ. Когда повозка уже стояла передъ крыльцемъ, то она въ послѣдній разъ взяла ласково двадцатипендѣльное дитя Гебгардово на руки, ласкала и цѣловала его. Гебгардъ, давъ ей денегъ на дорогу, поподчивалъ ее шоколадомъ и простился съ нею. Едва прошло полчаса послѣ ея опъѣзда, какъ ребенокъ занемогъ и обѣ служанки также почувствовали сильныя болѣзненные припадки.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

Б А С Н И.

Ручной и дикіе журавли.

Пришлось Журавлю когда-то молодому
 Съ подругою своею
 Жить въ домѣ у людей,
 Состариться и завестись семьей.
 Вошь разъ по небу ясноголубому
 Изъ дальнихъ сѣвера полей
 Плыветъ станица Журавлей.
 По заднему двору нашъ Журавль таскался;
 Но въ небѣ задрѣвши своихъ,
 Онъ шею прогнувъ и носомъ вверхъ проникъ
 И жалкій подиалъ крикъ;
 Съ поднебесья ему пошъ крикомъ отвѣчали,
 (Быть можетъ, что съ собой бѣдѣлигу приглашали);
 Сбравшись съ силами Журавль, не утерпѣлъ,
 На небо къ стаѣ полетѣлъ.
 Но чувствуя, что силы
 Опъ засидѣнья спали хилы,
 Спустился онъ и наземъ съѣлъ,
 Бросая вслѣдъ своимъ взоръ томный и унылый.
 Вошь почло такъ иной
 Чиновникъ оставной,
 Въ девятомъ классѣ, заведется
 Домкомъ, дѣтями и женою
 И въ городишко не большой
 Забьется.
 Прочтеть въ ведомостяхъ,
 Что сверстники его въ чинахъ.
 И орденахъ; —
 Ни какъ не можетъ перенести,
 Тревожнѣе оставнаго чести.
 Вошь онъ къ нимъ письменно объ мѣстѣ опишется,
 Попомъ и самъ
 На двойцѣ въ Синодицу потрясется.

Увидѣвъ же, что тамъ по немъ нѣтъ мѣстъ,
Съ печальною ташинся обратно въ свой уѣздъ.

Собачья служба.

Какой-то шарлапанъ возилъ съ собой Собакъ
Большую спаю.

Онъ жаловалъ ли ихъ, когда, и какъ

Объ этомъ я порядочно не знаю;

Но только то извѣстно мнѣ,

Что у него онъ

Различныя всѣ службы отправляли,

Забаву частію и пользу доставляли:

Лягавыя ходили подъ ружьемъ

Болонки, шпицы при столѣ служили;

Двѣ шапки ночью, днемъ

Багажъ его усердно спорожили,

А мосекъ двѣ забавныя кадрили,

Въ личинахъ пляской веселили

По ярмонкамъ народъ.

Однажды вошь

Какой-то господинъ богатый

И шаровавший,

Извѣстный весельчакъ,

Зазвалъ къ себѣ съ хозяиномъ Собакъ.

И шунтъ-то началось кривлянье,

Кувырканье, ломанье,

Скачки, прыжки изъ всѣхъ силъ.

Когда же баринъ нашъ потѣхой наслаждался,

То такъ онъ разщедрился,

Что при ошейника, сверхъ плащя, подарилъ.

Хозяинъ поклонился.

Да наградилъ —

Не тѣхъ, что прыганьемъ высокими опливались,

Но тѣхъ, что съ такта не сбивались.

И кончилось должно бѣ на томъ,

Однакоже попомъ,
 Когда ошейники навязывать имъ спали,
 То прочіе Псы сполохъ свирѣпо заворчали,
 Встопорщили шакъ спрашно дыбомъ шерсть,
 Что ужасъ было посмотришь:
 И если бы не плеть,
 То эшакой задоръ не скоро бы уляли.

И у людей, по службамъ, эпопъ грѣхъ
 Случается вчасную,
 Коль награждать оплнчьемъ пѣхъ,
 Которые пустую,
 На взглядъ зависпниковъ ихъ всѣхъ,
 Услугу оказали.

Зависпвики задорясь, кричащъ.
 Мы бы на эшакихъ хопъ пальцемъ указали,
 Да опасаемся, что сильно заворчащъ.

Н. Бенецкій.

Изъ переписки
 ЖАН - ПОЛЯ РИХТЕРА
 съ

ХРИСТИАНОМЪ ОТТО.

(Продолженіе.)

Лейпцигъ 24. Февраля 1798. года.

Разскажу тебѣ теперь о моей важнѣйшей
 эпохѣ и эрѣ въ Лейпцигѣ, о которой кромѣ
 тебя и Эртеля никто не знаетъ. Да закро-
 ешь Гарпократъ усна твоя. Я тебѣ посылаю

только экстрактъ изъ будущаго толстаго изустнаго пропокола.

Рѣчь идетъ о (*), имѣющей душу самую чистую, самую идеальную, самую твердую изъ всѣхъ женскихъ душъ, какія я когда либо знавалъ, исполненую однакоже эгоистическаго, холоднаго чловѣколюбія и не пребывующую и не любящую ничего, кромѣ — совершенства. Она исполняетъ всѣ обязанности чловѣколюбія, только безъ чловѣколюбія. Я обходился съ нею въ Эгерѣ съ необыкновенною во мнѣ застѣнчивостію и бралъ (рѣдко ея руку) только самое мягкое участіе въ ея жестокой участи. Она предлагала мнѣ прекрасную, богатую, въ высочайшей степени нравственную дѣвушку, Г. въ Цюрихѣ, ея подругу, въ невѣсты, для которой до сихъ поръ ни одинъ женихъ не былъ довольно чистъ душою и довольно добръ. Потомъ показывала мнѣ письмо отъ одного Профессора . въ Бернѣ, котораго Г... не только любила, сколько желала имѣть мужемъ своимъ и предъ нравственнымъ, благородною, но ипохондрическаю душою котораго она какъ ангелъ возвышалась. — Въ одинъ у-

(*) Здѣсь въ подлинномъ письмѣ вырѣзано имя, и на полѣ самимъ Жан-Полемъ написано примѣчаніе: Это та самая, которая въ Эгерѣ подарила мнѣ при спакана и которую мы съ сыномъ и дочерью видѣли въ госпиталѣ.

единенный вечеръ прочелъ я ей первую главу Типана, (*) и она обняла меня съ энтузязмомъ; мой энтузязмъ никогда не доходилъ до такой степени. — Въ *** послѣ того сказалъ я ей, что я въ Лейпцигѣ иногда, не болѣе раза въ недѣлю, могу ея видѣть.

Съ прискорбіемъ закрыва она глаза платкомъ, и мнѣ казалось, что я видѣлъ, какъ все ея Прошедшее со всею колючестью и лживельностью снова проходило сквозь сердце ея. Но я видѣлъ и безмѣрность ея прѣбований.

27. Февраля.

Ахъ! чтобы разсказать эту Исторію, надобно много бумаги, и сама судьба оставляетъ ее здѣсь столькоже недовершеною, какъ и меня самого. Вотъ нѣкоторыя черпты: Возвратившись изъ В., хотѣла она свое имѣніе, мое и Г. сложить и купить загородной домъ, и я долженъ былъ жениться на Г., онаже хотѣла на вѣки остаться у насъ, скоро однакоже почувствовала не сообразность этого спранныго отношенія, которую я ей показалъ. Гораздо горяче была привязана ея душа ко мнѣ, нежели моя къ ней. Послѣ нѣкоторыхъ моихъ изъясненій она харкала кровью, падала въ обморокъ . .

(*) Знаменитое сочиненіе Ж. П.

ужаснѣйшее состояніе: я былъ свидѣтелемъ явленій, какихъ не рисовало еще ни одно перо. Однажды утромъ 13. Января, за письменнымъ столомъ — какъ бы вся внутренность моя разплылась: Я пошелъ вечеромъ къ ней и объявилъ согласіе жениться на ней. Она соглашается дѣлать все, что я захочу, хочетъ купить мнѣ деревню, гдѣ я хочу, на Неккарѣ, на Рейнѣ, въ Швейцаріи, въ Ваадтской землѣ. Такъ любишь меня и уважаешь уже не будешь ни одна женщина, какъ эта, и не смотри на то судьба моя еще не рѣшена — мною. Посылаю тебѣ два письма прежде да одно послѣ согласія моего на бракъ. — Ахъ, какъ часто и какъ прежде всего (und wie zuerst) думалъ я въ эти дни о тебѣ, о моемъ прибытіи ко мнѣ, и какъ я хоть два мига радостныхъ желалъ бы, какъ два горшка съ цвѣтами поставишь по сторонамъ моимъ. Впрочемъ дѣло еще не рѣшено, покрайней мѣрѣ сколько опъ меня зависипъ. Эртелю я все рассказалъ, и онъ принужденъ былъ одобрить поведеніе мое. Что же касается до того, что я не рѣшаюсь, то вѣрь, что я поступаю по причинамъ и въ слѣдствіе фактовъ, о которыхъ не упоминаю въ этой $\frac{1}{32}$ доли повѣсти.

Если величіе, чистота души и металлическое богатство могутъ ошастливишь, то

я былъ бы щаспливъ; но и проч. и проч. и проч.; въ прочемъ суди по этому оппѣнку пѣни о каршинѣ во весь роспѣ.

Ахъ, Оппо, я успаю писаць, опъ того чпо ты такъ долго молчишь. Чпо я тебѣ сдѣлалъ? Какой шуманъ окружаешь тебя? Или ты (хотя ты, правда, такъже мало времени имѣешь, какъ я, но не такъ какъ я занятъ мараніемъ писемъ) намѣренъ опвѣчать мнѣ только письмомъ на письмо?

Я только хотѣлъ, чпобъ моя исторія болѣе созрѣла и тебѣ на опвѣты оспалось болѣе времени, а то бы я тебѣ давно написалъ, хоть должникомъ не я, а ты оспавался.

Прощай, брагъ! каждый день я съ тяжкою горестію тоскою по тебѣ. О, не нашелъ бы ты предо мной ни какихъ оправданій, если бы ты въ неперемѣнномъ положеніи своемъ перемѣнился, а я въ перемѣнномъ оспался цопъ же. Желаю чпобы тебѣ по среди любезныхъ пвоихъ лучше было, нежели другу пвоему на его волнующемся морѣ.

О п т о к ъ Ж а н - П о л ю .

Впорникъ 16. Февраля 1798. года.

Письмо пвое получилъ я во впорой день ярмарки. Вечеромъ пошелъ я независимый, по

есть безъ женскаго сопровожденія, въ редушѣ, иллюминировавши передъ тѣмъ голову письмомъ твоимъ, въ которой радость преломлялась, какъ въ граненомъ стеклѣ люстры, тысячу красками. Я встрѣтилъ тамъ семейство Плюпо и Рейценштейнъ. Они освѣдомлялись о тебѣ. Плюпо спрашивалъ уже о тебѣ и въ концертѣ, всѣ тебя хопяшъ здѣсь женишъ. Спрашивали о тебѣ съ такою искренностью, съ такою любовію и такимъ уваженіемъ, что я ихъ особенно полюбилъ за это. Препоручили мнѣ, опославъ тебѣ нѣсколько поклоновъ, которые я и посылаю. Теперь здѣсь спрашиваютъ о тебѣ болѣе нежели прежде на тебя смотрѣли.

(Продолженіе.)

Вторникъ 6. Марта 1798. года.

Письмо твое, любезной Рихтеръ, чрезвычайно поразило меня, хотя впрочемъ увѣдомляло меня не объ новомъ. Незнаю что, твое ли, ее ли поведеніе, внушало мнѣ не одинъ разъ мысль, что все это можетъ случиться. Но мысли этой я никогда не преслѣдовалъ, не зная какимъ образомъ она рождалась во мнѣ, и

оставлялъ ее какъ мысль утѣшающую. При чтеніи письма пвоего старинная мысль эта снова родилась во мнѣ, и я прежде прочтенія замѣтки угадалъ вырѣзанное имя. — Чѣмъ сказать тебѣ объ этомъ? Я самъ себя не понимаю, такъ овладѣло мною извѣстіе это. Сначала пѣснилось во мнѣ желаніе, чѣмбы это не сбылось; желалъ я видѣть тебя счастливымъ; но потомъ успокоился и думаю, что ты вѣрно счастливъ. Самому себѣ говорилъ я: Состояніе брачное для него и безъ того не имѣетъ ничего привлекательнаго; этотъ же бракъ будетъ лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ; потомъ сожалѣлъ о тебѣ, сожалѣю и теперь еще, но только потому, что ты говоришь, что съ пвоей стороны еще нѣтъ рѣшенія. — Рѣшись или сожги эти письма. Но и это ничего не поможетъ; отвергни опъ себя нравственность и добродѣтель, и смотри на существо уважаемое, для тебя лишь живущее и ради тебя изнывающее, забудь объ этомъ, и развѣ тогда только еще можешь остаться не рѣшительнымъ.

Я вижу вездѣ съ пвоей стороны болѣе пожертвованія, нежели любви; послѣдняя можетъ ошибиться въ предметѣ, ею выбранномъ, первое — никогда; спало бытъ все рѣшено! Но гдѣ жертвованіе на одной сторонѣ, а

любовь на другой, шамъ первое — сколько бы оно ни казалось и не хотѣло бышь религиознымъ — никогда не удовлетворишь послѣдней совершенно, развѣ только иногда на мгновѣніе. Доброй мой Рихтеръ! тебѣ много придется переносить, ибо женщина, которая отдаетъ себя съ самозабвеніемъ и совершенно, пребудетъ отъвыпа. Впрочемъ такой союзъ лучше всѣхъ приличенъ твоей липературной и стихотворной жизни, потому что не произведетъ въ ней большой перемѣны; ибо въ удѣлъ достанется тебѣ жена уже самобытная, уже достигнувшая женскаго совершенства, благонамѣренная, какую могъ бы ты создать себѣ только поспешенно, если бы женился на дѣвицѣ. Правда однакоже, что это — то и должно называть попереею; больно мнѣ знать, что ты въ жизни будешь лишенъ счастья — быть творцемъ такого рода, и о вознагражденіи за недостатки этого счастья принужденъ будешь искать въ счастьи — извонить изящное въ Липературѣ. (И для внѣшней жизни очень приличенъ твой союзъ.)

Жан - Поль къ Опто.

Лейпцигъ 13. Марта 1798. года.

Все, что ты мнѣ написалъ о —, почерпнуто изъ глубочайшихъ плаинспвъ моего по-

ложенія. Впрочемъ уже когда послѣднее письмо мое было написано, я рѣшилъ судьбу свою и сказалъ ей, что не чувствую къ ней спраспи, и что мы не созданы другъ для друга. Я прожилъ два дни, испоргнушыя изъ самаго пыла Ада — и — снова тихо закрывается ея разрѣзанное сердце и не такъ уже запекаетъ кровью. —

Я свободенъ, свободенъ, свободенъ и блаженъ, готовъ однакоже жертвовать ей всѣмъ чѣмъ могу. Оправданія мои предполагай; въ * * * услышишь ты ихъ подробно. Впрочемъ отъ моей только воли зависить, даже послѣ исповѣди моей передъ нею, — соединиться съ ней вѣчно гражданскимъ союзомъ.

Лейпцигъ 27. Апрѣля 1798. года.

Вся весна переселилась въ сердце мое и приноситъ въ немъ плоды. Вчера ѣхалъ я отъ доктора Г. — головы свѣтлой и человека теплаго, которой всего меня покусаетъ — съ чепырьми дамами, и — влюбился въ госпожу Г., которую часто и прежде видалъ. — Извини меня передъ любезнымъ женскимъ четвернымъ союзомъ, не въ шеперешнемъ, а въ будущемъ моемъ молчаніи.

Нѣтъ радости у меня, которая бы равнялась радости хранишь и созерцать свой образъ въ душѣ. Глаза наполняются слезами при одной мысли о тебѣ. Не думаю чѣмъ когда нибудь могъ я любить въ мірѣ человѣка шакъ, какъ тебя люблю, ни даже въ высшемъ смыслѣ любовницу мою! О будь только здоровъ, только здоровъ, мой необходимый!

Дрезденъ 16. Маія 1798. года.

Любезной Оппо!

Только вчера приѣхалъ я сюда, попому не буду тебѣ еще описывать ни процвѣтанія Дрезденскаго, ни упадка, ни народонаселенія, ни нравственнаго состоянія и проч.

Въ Лейпцигѣ во время ярмарки меня шакъ часто посѣщали, чѣмъ можно бы подумать, чѣмъ я либо въ два фуша, либо въ восемь футовъ роспомъ. Между прочими лицами видѣлъ я здѣсь донъ Меркеля, человѣка молодаго и нѣжнаго, попомъ Моргенштерна, мечтательнаго любезнаго мушинуку, Бемпигера, Бертуха, Р. и жену его съ прекраснымъ носикомъ и Т. съ бабушкою. Два раза обѣдалъ я за *table ronde*, котораго одну гемисферу окружали авшоры, а другую, какъ *musculi antagonistaе*, книгопродавцы. О Дрезденѣ и о томъ, чѣмъ въ

немъ видѣлъ послѣ напишу; скажу только о скульптурной залѣ, которая вчера какъ новый міръ въ меня впѣснилась и старый вполонину выпѣснила. Вступаешь въ длинную, свѣтлую, высокую, со сводами залу, по которой идутъ двѣ аллеи колоннъ. Между колоннами покоятся древніе боги, скинувшіе съ себя могильную землю или небесныя облака, и открывающіе въ груди нашей священный, блаженный, спокойный міръ. Тутъ видишь различіе между красотою человѣческою и божественною; первая приходитъ въ движеніе, хотя тихое, отъ желанія и страха; послѣдняя покоится съ твердостью и простотою какъ голубой эфиръ предъ міромъ пространственнымъ и временнымъ, и спокойствіе совершенства, не упоминенія, смотришь изъ глазъ и открываютъ уста. Когда я впередъ буду писать о великихъ и прекрасныхъ предметахъ, божества сіи будутъ передо мною и будутъ предписывать мнѣ законы прекраснаго. Теперь я знаю Грековъ и ни когда ихъ не забуду.

Мейсенская дорога прекрасна; проходитъ по среди длиннаго погнутаго хребта холмовъ и широкой погнутой же Эльбы. Вступаешь на Дрезденскій мостъ и какъ города лежатъ предъ тобою дворцы, и сплетается Эльба, изъ одной обширной области протекающая въ другую; го-

ры, равнины, аллеи, расперянные кораблики, движущаяся процессія одной стороны моста, и идущая на встрѣчу ей съ другой стороны, длинная аллея и шумъ жизни овладѣвають побою.

Я видѣлъ аншики, — какъ бы другую гемисферу ваятельныхъ произведеній, копорыя вчера въ 10 часовъ ночи мы еще разъ посѣщали, какъбы просвѣпленными.

Гибихенштейнъ 18. Іюля 1798. года.

Въ Галле приняли меня съ большою любовью. Вчера обѣдалъ я у Лафонпена. Онъ круглый, чистосердечный, веселый, людей и добродѣтель любящій, твердый, свѣпмый мужъ, безъ огромнаго брюха и оспроконечнаго подборода, съ копорыми я себѣ его воображалъ; онъ живетъ съ бездѣпною женою своею въ башнѣ дома. Такъ какъ онъ получилъ опъ Короля 600 рейхсгалеровъ (какъ кажется) дохода, и скоро опкажется опъ пасторской должности своей, чпобы жить независимо: шо въ-рояпно плодовиность его умѣрился.

Фактору въ Фоссовой пинографіи позволяеть онъ прибавлять и убавлять въ его сочиненіяхъ что угодно.

Гальберштадтъ Понедѣльникъ 25. Іюля.

Въ Гальберштадтъ былъ уже назначенъ домъ для принятія моего, котораго хозяинъ поспѣхъ долженъ былъ дать знать обо мнѣ Глейму. Я ошдохнулъ. Явился слуга Глейма и ошвелъ меня къ самому лучшему спарому сердцу. — Глеймъ споялъ передъ дверьми: съ такою сердечною учтивостью никто еще не принималъ меня, какъ Глеймъ. Сложи себѣ его изъ огня и ошкровенности, честности и твердости и Прусской любви къ ошечеству, (ахъ какъ сладостно шеперь вспрѣшпшь челошѣка, который незнаетъ двоюроднаго ошечества!) и спремленія ко всему возвышенному, присоедини къ его обширному литературному кругу дѣйствія, спольже обширный полишическій кругъ и ты увидишь Глейма предъ собою. Какъ сердце мое возносишь этого респиваго Пруссака, которому безпреспанная пламенность мѣшаетъ имѣть двѣшъ лица другихъ людей, какъ высоко возносишь надъ всѣми эстетическими шарлапанами въ Веймарѣ, Іенѣ, Берлинѣ, у которыхъ нѣтъ души ни для какой души, предъ которыми всѣ характеры, какъ шапральные, оспающіеся только ошъ 5. до 8. часовъ на сценѣ, проходящъ только обзорными, а не схваченными.

Я живу у Глейма посреди комнатъ наполненныхъ книгами, въ прекрасѣйшей комнаткѣ, въ которой роскошь богаче моего лексикона объ ней.

Его племянница (лѣтъ 18. или 20.) нравились мнѣ за ея веселой духъ, за ея чувствиво, образованность и женскую легкость — сполькоже, какъ самый лучший шкафъ съ книгами подлѣ меня.

Разпыл извѣстія:

Галбершпадингъ прекрасенъ, женскій полъ въ немъ также. Брокенъ (*) обращаетъ къ нему исполинскую голову свою.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

Біографическое извѣстіе о Гегелѣ.

Георгъ Вильгельмъ Фридрихъ Гегель родился въ Штутгардѣ 27. Августа 1770. года. Отецъ его былъ Секретаремъ въ Герцогской Камерѣ, Гегель учился въ тамошней Гимназіи и бралъ сверхъ того частные уроки у лучшихъ учителей. Ознакомившись съ классическими авторами древней и новой Литературы и съ разпространявшимися въ то время философскими

(*) Извѣстная гора.

понятіями о релігійозныхъ догматахъ, вступилъ онъ на 18. году отъ рожденія въ Тюбингенскій Университетъ, въ которомъ въ продолженіи предписанныхъ лѣтъ занимался Философскими и Богословскими науками. Съ особеннымъ рвеніемъ посвящалъ онъ себя наукамъ Философскимъ. Но не найдя удовольствія ожиданіямъ своимъ въ преподававшейся тогда Метафизикѣ, онъ занялся съ особеннымъ прилежаніемъ сочиненіями Канта, продолжая въ тоже время изучать и Платона. — Занятія сіи имѣли и на Богословскія его понятія особенное вліяніе. Съ дальнѣйшимъ изученіемъ Философскихъ предметовъ развилось въ немъ желаніе основательнѣе изучить науки естественныя, и онъ обратился къ Математикѣ и Физикѣ. По окончаніи полного курса въ Университетѣ, отправился онъ домовымъ учителемъ въ Швейцарію, а оттуда во Франкфуртъ на Майнъ. Послѣ сего отправился въ Іену, намѣреваясь тамъ дать дальнѣйшее образованіе идеѣ о Философіи, которая развилась въ немъ особенно послѣ подробнаго изученія науковѣденія (*Wissenschaftslehre*) Фихтева, и вступилъ въ ближайшія связи съ прежнимъ Университетскимъ приятелемъ своимъ Шеллингомъ, который былъ въ то время Профессоромъ въ Іенѣ. — Въ 1801. году написалъ онъ тамъ книгу о различіи Фихтевой и Шеллинговой Философіи и въ томъ же году издавалъ вмѣстѣ съ Шеллингомъ критическій Журналъ Философіи; преподавалъ также частныя лекціи при Университетѣ; а въ 1806. году избранъ въ Экстраординарные Профессоры Философіи. Въ это время особенно занимался онъ обработываніемъ сочиненія, которое должно было представить собственную его оплодотворенную онъ Шеллинговой Философію. Феноменологія духа должна была составить введенье въ сіе твореніе и явилась въ 1807. году въ Бамбергѣ подъ заглавіемъ: Система Науки (*System der Wissenschaft*) I. часть. Въ почтѣ передъ сраженіемъ при Іенѣ дописалъ онъ послѣднія страницы сей книги. Послѣ взятія Іены Французами удалился онъ въ Бамбергъ и занимался тамъ преподаваніемъ приватныхъ уроковъ

а въ 1808. году осенью былъ отъ Баварскаго Правительства назначенъ въ Нюрнбергъ Ректоромъ Гимнази и Профессоромъ приготовительныхъ Философскихъ наукъ. Во время занятія сей должности написалъ отъ Науку Логикѣ (*Wissenschaft der Logik*), составляющую первую часть его Философской системы и основу оной. Первая часть оной явилась въ 1812. году, а вторая и послѣдняя въ 1816. году. Осенью 1816. года былъ онъ призванъ Профессоромъ Философій въ Гейдельбергъ; здѣсь написалъ Энциклопедію Философскихъ наукъ (1817), желая въ ней представить публикѣ краткій обзоръ всей своей Философій. Изъ Гейдельберга призванъ Гегель на мѣсто Фихте въ Берлинъ, гдѣ и вступилъ въ должность 1818. года осенью. Здѣсь-то особенно прославилась его Философія и отсюда-то стала распространяться съ необыкновенною быстротою по всей Германіи и проникла даже во Францію посредствомъ Кузеня, котораго, сидя въ пеминцѣ въ Берлинѣ, изучалъ ее (при помощи репетитора Г. Генинга) и былъ ею въ высочайшей степени плененъ. Число слушавшей Гегеля въ Берлинѣ бывало въ послѣдніе годы необыкновенно велико и весьма часто находились между ними значительные Государственные чиновники. Въ Берлинѣ Гегель издалъ (въ 1821.) Основныя черпы Права, или Естественное Право и Государственную Науку въ основномъ начертаніи (*Grundlinien des Rechts, oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundriss*) и второе изданіе Энциклопедіи Философскихъ наукъ; участвовалъ также въ изданіи ученой газеты: *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik*. (О смерти Гегеля см. въ первой книжкѣ Радуги. Главныя черпы его Философій будутъ сообщены. Подробно ее изображеніе починаемъ за издѣніемъ.)

(Изъ Совв.-Lexi., Журнала Фриса и др.)

Неошеллингизмъ.

Ученый нашъ классъ опчасни естъ не что иное, какъ плохой литографическій снимокъ со възрачнаго и щеголеватого эстампа, величаемаго ученымъ міромъ современной Европы. Что на эстампѣ Французко-Германско-Англійскомъ припечатывается или спираетсѣя временемъ или могущественною модою, и на ученыхъ, какъ видно, также сильно дѣйствующею, какъ на прочихъ мірянъ, — то и на нашемъ перепечаткѣ примазывается или соскабливается эша сильная власнишнелница. Начиная съ Сумароковскаго передразниванія Французскихъ пѣвцовъ до сихъ поръ у насъ едвали не все, что шумѣло и сверкало на Западѣ, находило, хотя часто и поздняя, свои отголоски и отскерки. Не спанемъ класъ на поны всѣхъ забавныхъ концерновъ, которые наигрывали мы подъ липками, прислушиваясь къ гулу и грѣмѣнію, производимому славными бубнами за горамъ. Повторимъ только, что и теперь еще не переспали мы гудѣнь подъ ладъ ихъ. — До такой степени мы вжились въ жизнь Европейскихъ идеаловъ нашихъ, что почти вовсе не чувствуемъ, что сами имѣемъ жизнь. Все Европейское намъ кажется нашимъ собственнымъ. Европейцы следи себя идола — не изъ золота, правда, какъ Израильтяне тельца, но за то изъ матеріала, который едва не подобно свѣту сіяетъ, изъ какой-то абсолютной, живой, блистательной идеи — и назвали этого идола духомъ времени: и мы за ними; какъ отспапъ? и мы давай липъ своего демона времени. — Пусть же сн ревностные наперсники Кёрнессъ Англо-Галло-Германскихъ увидѣтъ въ слѣдующихъ двухъ спавъяхъ (опчасни и въ Менцеловой спавѣ, на которую замѣчанія общаемъ сообщитъ въ слѣд. кн.), какъ самыя твердыя изъ ихъ опоръ, самыя закаленные мудрователи мало по малу оппрекаются отъ оракульскаго величія своего и, оптвергаясь посильно себя, опдаются върованію въ превѣчную Мудрость въ Исусѣ Хрисѣ воплощенную. — Первую спавью

занимствовали мы изъ журнала (*für Theologie und Philosophie*) Фриса, Шренкера и Шмида.

» Давно уже говорили о совершенно новомъ образованіи Философіи Шеллингомъ. Но самъ Шеллингъ ничего не сообщалъ публикѣ. Нынѣ доходитъ до насъ извѣстіе о семъ преобразованіи чрезъ нѣкоторыхъ учениковъ его, извѣстіе, доказывающее намъ существованіе школы Неошеллингіанства въ Мюнхенѣ, которал, кажется, намѣрена въ основаніи преобразовать Философію и Знаніе вообще. Главный вѣщатель сей школы естъ Фр. Шпалъ, приватный преподаватель при Мюнхенскомъ Университетѣ, и нынѣшній редакторъ Мюнхенской газеты: *Das Snnland*. Въ ученomъ Свѣтѣ сдѣлался онъ извѣстнымъ изданною имъ въ 1850. году первоею частію Философскаго Права, имѣющею предметомъ не одно Правовѣдѣніе, но и Философію вообще и Этику въ особенності. Главная черта изображаемаго въ книгѣ сей Неошеллингіанства естъ стремленіе утвердить Этику (и Философію вообще) на исторической основѣ въ обезопасеніе оной противъ раціонализма. (Здѣсь одинъ изъ издателей упомянуемаго журн., Шмидъ, распространяется въ защитѣ раціонализма. Намъ кажется точка зрѣнія Шпала въ семъ отношеніи сходною съ точкою зрѣнія Экштейна. См. перв. кн. Радуги. Но въ слѣдующемъ видно по нашему мнѣнію великое превосходство Шпала противъ Экштейна.) Христіанство принималъ онъ высочайшимъ фактомъ, историческимъ основаніемъ, на которомъ должна быть утверждена вся Философія. Вотъ характеристическое мѣсто изъ книги: » Въ задачахъ Философіи Права показано, что онѣ не могутъ быть рѣшены безъ понятія о Личности Божіей. Но чтобы быть Христіанскою, Философія должна бы показать, что задачи сіи неизяснимы безъ понятій о грѣхопадѣніи, примиреніи, о Святой Троицѣ, о пророчествахъ въ Іудей и ш. д. и что только чрезъ сіи понятія могутъ быть изяснены. До сихъ поръ однако это еще либо вовсе не совершенно, либо совершенно не точно

Я также еще не столь глубоко проникъ въ изслѣдованія ихъ мо-
ихъ, чтобы постигнуть связь всего съ сими возвышенными
фактами (Чтобы постигнуть это, думаемъ, стоитъ только у-
вѣровать сердцемъ.) Но настаетъ время, когда Наука и это
разрѣшитъ, когда она увидитъ себя принужденною,
все принявъ, что стоитъ въ Эвангелии, потому
что ничто уклоняющееся отъ Эвангелія не за-
ключаетъ въ себя ключа существенности и спа-
витъ себя въ противорѣчье съ существенностью, — время,
когда и въ области Знанія, говоря языкомъ Библии, Господь бу-
детъ съ Своими вѣрующими, и противниковъ сокрушитъ. Ибо
за Нимъ должно опасаться поле битвы. « — Мы только въ выше-
означенномъ мѣстѣ сдѣлали небольшой пропускъ: прочее безъ
прибавленія и убавленія взято изъ сказаннаго журнала. — На-
дѣмся современемъ кое-что сообщить и объ обращеніи Герреса и
даже самого Шеллинга къ Эвангелію. На этотъ разъ укажемъ
еще на

Обращеніе Спеффенса.

Въ ученый газетъ: *Zeitschrift für wissenschaftliche Kritik*.
Авг. 1851. помѣщенъ разборъ изданной знаменитымъ Натураль-
нымъ философомъ, другомъ Шеллинговымъ, Спеффенсомъ книги:
Wie ich wieder Lutheraner wurde. (Какъ я опять сталъ Лютера-
ниномъ). Разбираетъ ее Г. Маргейнеке, пылкій Ректоръ
Берлинскаго Университета, другъ и обожатель Гегеля, (обож-
атель, ибо действительно въ рѣчи своей надъ гробомъ Гегеля
сравнилъ его съ Иисусомъ Христомъ) и противникъ того духа,
которому поклонился обратившійся Спеффенсъ. Следующее мѣ-
сто, выбранное рецензентомъ изъ книги, показалось намъ замѣча-
тельнѣйшимъ: » Вотъ, что я давно увѣдалъ (*erkannt*), а теперь,
для увѣданія въ высшемъ значеніи, и жизнью испыталъ (*erlebt*):
предадимъсь совершенно безусловно; не только каждое слово изъ
устъ Того, Кто для насъ есть Богъ оипкровенный, должно бытьъ
намъ свято, но все, что вокругъ Него происходило, всякое дѣя-

іе, всякое происшествіе должно быть намъ святою испиною. Чшо мы сперва посредствомъ разума, или даже посредствомъ высшаго мысленія хотимъ постигнути, и что потому только тогда получаетъ значеніе, когда нами подтверждено, разрушаетъ совершенно сущность преданости (Fingebung) и мы въ такомъ случаѣ снова находимся на той почкѣ, которую оставили намърены были. Всякое сомнѣніе рождаетъ новыя сомнѣнія безъ числа; должно все испробовать, либо все остались побѣдителями.» Такъ судить нѣтъ бывший ревностнѣйшій Натуралистъ-Философъ. И какъ цѣнить эту душу разбираетелъ! Не подумалъ, кажется, о томъ разбираетелъ, что вѣроятно степени, на которой теперь находится Спенсеръ, выше той степени, на которой онъ самъ стоитъ; ибо едва ли онъ можетъ вспомнить, чтобы со времени дѣтства была въ немъ вѣра Спенсеровая, а что Спенсеръ былъ подобный ему философъ по разуму — это и ему и всему ученому міру извѣстно. Не подумавъ объ этомъ, онъ приводитъ въ опроверженіе Спенсера такія фразы, какія Спенсеръ безъ сомнѣнія тысячу разъ употреблялъ въ защиту свою, будучи еще на самой первой ступени самомудрія. Да и кто не говорилъ себѣ, когда еще починалъ все ему непонятное какимъ-то мистицизмомъ заоблачнымъ, когда еще думалъ, что въ 1800 лѣтъ немогутъ не износиться и самыя прекрасныя истины, и ожидалъ онъ гениевъ современныхъ (и онъ себя разумѣлся) открытія Истины, истиннѣйшей, нежели Истина вѣчная, — кто не говорилъ себѣ, что знаніе есть только свѣтлое, опчепливое вѣрованіе, что сомнѣніе есть необходимое средство къ достиженію истины, или, говоря словами Мартейнеке, повиватель Истины и. т. п. ? — Спенсеровы положенія, говоритъ рецензентъ, уничтожаютъ ученую Теологию. Не думаемъ, чтобы Теологія, научающая вѣровать Слово Божіе, могла быть уничтожена: а если онъ уничтожаетъ ученость, научающую сомнѣваться въ истинѣ Слова Божія вопреки правилу, данному намъ Апостолами (Іак. 1, 5 — 8), то какая

въ шомъ бѣда? въ добрый часъ! — Пусть судящъ, какъ хопящъ, мудрые міра, пусть отвращающіе оны обратившагося: сердца верующихъ въ радостномъ пренептѣ сливаютьъ сладостныя чувствованія свои съ ликованіями, копоры издаютьъ небо и земля при обращеніи блуждавшаго.

Университеты въ Испаніи.

(изъ пробнаго листа Литературной газеты издающейся при Прус. Госуд. Газ.)

До 1806. года было въ Испаніи 22 Унив.; въ 1806. уменьшено число ихъ до 11., теперь всего 16. Изъ сихъ 3 называющіеся *mayores*; они находятся въ Саламанкѣ, Валлаadolidъ и Алакаль; остальные называются *peiores* — въ Валенціи, Серверъ, Сарагосса, Гренада, Севилья, Кордова, Овьедо, Сантльяго, Гуасеръ, Мурцинъ, Оригуэль, Оссентъ и Онантъ. Профессоры въ оныхъ получаютъ весьма малое жалованье, пѣкоторые не болѣе 30 палеровъ; 300 палеровъ есть уже очень значительное жалованіе. Поному мѣста Профессорскія почишають какъ бы переходными къ другимъ болѣе доходнымъ мѣстамъ. Обыкновенно Профессора сверхъ своей должности имѣють какое нибудь другое занятіе. — Правительсво имѣетъ опмѣнно спрое смонрѣніе за всѣмъ касающимся до просвѣщенія. По оициальному отчету 1825. года преподаваніе новой философіи исключено изъ курсовъ.

Замѣчательная черта Воспитанія въ Германіи.

Въ No. 171. *Blätter für literarische Unterhaltung* напечатана статья о воспитаніи. Въ ней между прочимъ сказано слѣдующее:

Къ особенностямъ нашего времени принадлежить, что наши юноши, получившіе ученое образованіе, почти вездѣ оказываютъ желаніе дѣйствовать не по лѣтамъ и усиліе приобрести вліяніе на общественный порядокъ и Государственное управленіе, въ чемъ однакоже Англія составляетъ замѣчательное исключеніе. Въ другихъ отношеніяхъ споль спешенія Германія въ семь случаевъ была предшественницею; Франція, Испанія, Бельгія, Польша послѣдовали ей. — Причину сего полагаетъ неизвѣстный сочинитель не сполько въ Университетахъ, сколько въ домашнемъ воспитаніи, которое въ Германіи, какъ онъ говоритъ, до невѣроятности вольно (*unglaublich lax*.)

Что есть истина?

Вопросъ сей врожденъ чловѣку, чловѣку — сыну Адамову. Всякій вопроцающій отвѣчаетъ себѣ на него по своему. И Пилатъ, испытывая Иисуса Христа, и когда Спаситель сказалъ, что онъ пришелъ въ міръ свидѣльствовать объ истинѣ, и что кѣмъ онъ истинны, тотъ послушаетъ гласа Его, — и Пилатъ, какъ сынъ Адама, предложилъ Богу предъ нимъ споявшему сей вопросъ. Но Иисусъ не отвѣтствовалъ ему ничего. (*) Замѣчательно, что если скажемъ вопросъ сей на отчественномъ Пилаповомъ языкѣ, на Латинскомъ, по отвѣтъ Пилату на оный заключается въ перемѣщенныхъ буквахъ самого вопроса: *Quid est veritas? Est vir qui adest* (есть мужъ который предспонитъ). — Мы обязаны симъ замѣчаніемъ одной Особѣ, которая не припомнитъ онъ кого ей оно сообщено.

(*) Эв. Іо. 19, 37-38.

ОСТЪ - ЗЕЙСКІЯ ЗАПИСКИ.

Монастырь
СВ. МИХАИЛА ВЪ РЕВЕЛѢ,
гдѣ нынѣ Гимназія и Греко-Россійс-
кая Соборная церковь.

(Изъ ненапечатанной Лифляндской рукописи Брандиса,
Секретаря Эстляндскаго Рыцарства, написанной въ 1626.
году и др. источн.)

Извлекиши все что касалось до Лифляндіи и смежныхъ странъ изъ Саксона Сіаландіа, Альберша Кранціа и Іоанна Магнуса, гдѣ упоминается о Лифляндцахъ и о Русскихъ въ пятомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ и прежде, продолжается Брандисъ между прочимъ такъ:

»Иному спраннымъ покажется что въ послѣдствіи описано будетъ, какъ Эстляндіа сдѣлалась Герцогствомъ во времена Короля Канута Святаго. Но я имѣю достовѣрныя и основательныя причины утверждать это. Ибо когда нынѣ управляющая женскимъ монасты-

ремъ Святаго Михаила въ Ревелѣ высокоспенная въ Богъ Аббаписса Госпожа Каперина произходящая изъ древняго дворянскаго рода Рюлденъ, по прошенію поставленнаго надъ симъ Княжествомъ Шведскою Короною Губернатора и Господь Ландрашовъ, благоволила допустить меня, прочитавъ въ подлинникахъ и пересмотрѣвъ фундаціонныя бумаги, привилегіи и другіе докуменпы, копорыя за Королевско-Данскими печатями въ продолженіи пяти сотъ лѣтъ до сихъ поръ сохранились неповрежденными, по я не только нашелъ: что владѣтельные Короли Даніи подписывались *Duces Esthoniae* или Герцогами Эспляндіи, но также слѣдующее, чего я ни въ какомъ другомъ историкѣ, писавшемъ объ Лифляндскихъ дѣлахъ, никогда не читалъ, о чемъ и Саксонъ Кранцій и Іоаннъ Магнусъ, которые впрочемъ съ величайшимъ прилежаніемъ и прудолобіемъ обо всемъ упоминающъ, ни слова не говорятъ: что когда Король Канупъ Святой предапельски умерщвленъ былъ Юпландскими своими подданными, между которыми извѣстенъ особенно одинъ знашый Бласко, по былъ избранъ Королемъ Данскимъ братъ его Олай; а когда сей на десятомъ году правленія въ 1092. году по Рождествѣ Христовѣ самъ себя лишилъ жизни, по пригласили Данскіе Дворянъ

и подданные на престолъ прерпяго браша, Эрика, четвертаго сего имени и вручили ему скиптръ корону и всѣ регалии. Сей Король, который хоща и былъ Богобоязливъ и въ Христіанской вѣрѣ, введенной въ Даніи при пра-дѣдѣ его Король Гаральдъ VI., въ 948. году, хорошо обученъ, но имѣлъ за собою порокъ, что брачное ложе и вѣрность болѣе одного раза запятналъ, сей Король есмь истинный основатель вышеупомянушаго женскаго монастыря Св. Миханла, находящагося теперь въ Ревель. Побужденіемъ къ сему основанію, какъ разсказываетъ ее подлинникъ въ подробности, послужила слѣдующая исторія:

Однажды, когда Король Эрихъ въ первый годъ правленія своего, то есмь въ 1093. году, опочивалъ, явился ему во снѣ Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Хриосъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ во спасаніе челоѣковъ на Священномъ Крестномъ дрѣвѣ спирадалъ и кровь свою проливалъ за грѣхи всего міра. Король изумился сему не мало, и снилось ему будто онъ спрашивалъ: ахъ за чѣмъ пылбезднѣйшій Господи Іисусе Христе допустилъ себя въ другой разъ распяты и мучить? Или кто шопѣ, который снова пригвоздилъ тебѣ ко кресту и такъ спрашно уязвилъ? Спаситель будшобы отвѣчалъ ему на сіе, что

это произвели его (Королевы) многочисленные грѣхи, за кошорые онъ не получилъ опущенія, прежде, нежели не поспроишь въ государствѣ своемъ Божія дома и женскаго монастыря въ честь Св. Михаила Архангела, сообразно правиламъ Св. Бенедикта. Но такъ, какъ Король Эрикъ не зналъ на какомъ мѣстѣ должно было поспроишь монастырь, то и просилъ онъ Бога открытъ ему сіе; и открыто ему въ видѣніи слѣдующее: чшобы онъ искалъ въ государствѣ и земляхъ своихъ, на какомъ мѣстѣ среди лѣша найденъ будетъ снѣгъ на проспранствѣ длиною и шириною на выспрѣлъ лука, а глубиною до колѣнъ, на томъ бы мѣстѣ поспроилъ монастырь.

Проснувшись и размысливъ о видѣніи, велѣлъ онъ по всему королевству искать снѣга, опсправилъ между прочимъ опдѣленіе и въ Эспляндію, кошорая была тогда подвластна Коронѣ Датской, чшобы и тамъ освѣдомлялись о такомъ мѣстѣ; кошорое и найдено въ семъ Герцогствѣ гдѣ нынѣ стоишь сей монастырь. Король, обрадовавшись сему сердечно, послалъ чрезъ море архитекторовъ и другихъ мастеровъ, кошорые и начали на ономъ мѣстѣ спроишь монастырь и церковь. Туда помѣстилъ попомъ упомянутый Король двѣицъ дворянскихъ родовъ (и какъ нѣкошорые ушверж-

даюпѣ назначилъ свою родную сестру Аббапис-сою, чего однакоже я, не найдя о томъ ничего достовернаго, не могу ни утверждать ни отрицать) и въ 1099. году утвердилъ ихъ въ орденъ Систерціензскомъ, кошорый основанъ по правиламъ Бенедикта. Онъ подарилъ имъ также 4000 золотыхъ гульденовъ на покупку собственныхъ имѣній для монастыря; ибо доспославный и благоразумный Король не хотѣлъ невѣрнымъ Эстамъ подасть повода къ возмущенію и непокорности опняшіемъ у нихъ части собственности ихъ; почему сіи идолопоклонники и не мѣшали строити монастырь и въ послѣдствіи всегда оставляли Христіанскихъ дѣвъ въ спокойствіи и мирѣ.»

За тѣмъ, сказавъ, что Король Эрихъ на пути въ недавно тогда завоеванную Палестину скончался на островѣ Кипръ въ 1102. году, вмѣстѣ съ супругою, и упомянувъ вкратцѣ о послѣдовавшихъ ему на Датскомъ престола Короляхъ, Брандисъ заключаетъ вторую книгу лѣтописи и переходитъ въ третью къ описанію происшествій Лифляндскихъ со времени прибіиія къ устью Двины Бременскихъ купеческихъ кораблей въ 1158. году.

Упоминаемая здѣсь Брандисомъ грамата, на Лапинскомъ языкѣ, хранился до сихъ

поръ въ Рыцарскомъ Эспляндскомъ архивѣ, и не смотря на возраженія Аридша, (*) принимается нѣкоторыми учеными изслѣдователями Эспляндской Истории за неподложную. Въ ней между прочимъ говоритъ Король, что онъ упомянутый сонъ видѣлъ во время осады Праги.

Обыкновенно принимающъ, что владычество Даччанъ надъ Эспляндіею начинается съ 1219. года (**), когда Вольдемаръ второй подъ предлогомъ вспомошествованія Бишофу Альберту прислалъ съ войскомъ къ берегамъ Эспляндіи. — На мѣстѣ нынѣшняго Ревеля, гдѣ теперь Вышгородъ (Dom) былъ въ то время Эстонскій замокъ Линданисса, который Даччане разрушили и замѣнили (въ 1220. или 1223. году) замкомъ названнымъ ими Ревель (***). — Монастырь Св. Михаила занималъ все пространство отъ Сисперфорпскихъ воротъ, гдѣ нынѣ учительскіе дома, Гимназія, Греко-Россійская Соборная Церковь во Имя Преображенія Господня и всѣ близлежащія зданія до узенькаго переулка ведущаго съ Широкой улицы на валь. Помѣстья Куймець и Наппель принадлежали сему монастырю.

(*) См. 1. часть Аридшовой летописи стр. 18 въ примечаніи, и 2. часть стр. 78 и 79.

(**) Смотр. Griebe, Handbuch der Geschichte Lief-, Ehst- u. Kurlands.

(***) Подробное обоснованіи Ревеля сообщимъ въ послѣдствіи.

При началѣ Реформаціи въ Эспляндіи Аббатисса сего монастыря Софія Шварцгофъ сопротивлялась введенію ея въ ономъ; и не смотря на то, что опредѣлены были опъ Магистранъ Люшеранскіе проповѣдники въ сей монастырь, монахини оной пребывали въ Каплическомъ вѣроисповѣданіи до 1543. года. Но въ семъ году, по поводу прошенія, написаннаго поставленнымъ опъ Люпера Ревельскимъ Суперинтендентомъ Боккомъ, на имя Дворянства Гарріенскаго и Вирляндскаго, издано Магистраномъ повелѣніе о преобразованіи монастыря. Въ семъ повелѣніи предписывается монахинямъ заниматься обученіемъ дѣтей, упражняться различными женскими работами, подъ опасеніемъ наказанія за праздность; дозволяется оставленіе монашеское званіе; изъявляется желаніе, чтобы монахини сами занимались работою на кухнѣ; дозволяется носить всякаго цвѣта платье; предписывается служить обѣдню на языкѣ для нихъ понятномъ; назначается для монастыря особой проповѣдникъ, и проч. — Аббатиссою въ это время была Елисавета Цёге. —

Въ 1624. году разрѣшилъ Король Шведскій, Густавъ Адольфъ, чтобы имѣнія и доходы принадлежащія монастырю, когда онъ будетъ преобразованъ въ училище, оставались принадлеж-

носпію онаго подѣ главнымъ надзоромъ Королевскимъ. Въ 1630. году 24. Февраля, во взаимномъ соглашеніи Рыцарства и городского Совѣща касательно училища, положено, чѣобы съ смертію Аббатиссы и другихъ лицъ монашескаго званія вовсе прекращенъ былъ чинъ монашескій. (*) Въ 1631. году утверждена грамата объ открытіи Гимназіи, которая и открыта 6. Іюня тогоже года.

Монастырская церковь оспавалась до покоренія Ревеля Россійскими войсками Люшеранскою. Опомъ, какъ церковь сія обращена въ Греко-Россійскую, сообщены издапелю слѣдующія выписки изъ Магистратскаго архива:

1716. года Генваря 24. доносилъ Магистрату Форшпеэръ Крехшеръ, чѣо Г. Генераль-Губернаторъ требуетъ для казны оной церкви. 24. Генваря тогоже года сказано въ пропюколѣ, чѣо когда предпишетъ Генераль-Губернаторъ объ отдачѣ оной Гарнизонной церкви, то по совѣщаніи съ Дворянствомъ опправитъ Магистратъ Депутаа, означеннаго Крехтера, по сему предмету въ С. Петербургъ къ Государю Императору Петру первому. Февраля 10. тогоже года приказываетъ Генераль-Губернаторъ, пошчасъ отдашь церковь. Февраля

(*) См. Док. Рейна Einladungschrift. 1830 Іюля 25,

13. ключи церковные отдаются Капишпану Шапилову. Февраля 20. Гг. Ландрапы соглашающся на отдачу, въ слѣдствіе объявленія, что Русскіе уже имѣли Богослуженіе въ оной церкви. 1725. года Августа 4. отдается оная вовсе Полковнику Молчанову. Августа 2. Генераль-Губернапоръ изъясняетъ, что Государь Императоръ Пётръ I. опинюдь приказалъ, чпобъ иная церковь оспалась Русской націи. 1726. года Генваря 5. пишетъ Магиспратъ Полковнику Молчанову о выдачѣ органовъ и прочихъ украшеній. 1768. года Октября 22. дано мѣсто для садика. 1767. года Декабря 18. въ первой разъ Духовное правленіе пишетъ въ Магиспратъ о церковномъ Старостѣ. 1772. года оповедено мѣсто для теплой церкви.

Чтенія

въ Императорскомъ Дерптскомъ
Университетѣ.

(въ первые полгода 1832.)

Богословскій Фак.

- Г. Деканъ, Надв. Сов. Док. Вальперъ: Литургика, пасторальная Богословія, правила Капехеники, Гомилетическо-капехеническія упражненія; — 9 часовъ въ недѣлю.
Г. Колл. Сов. Док. Бушъ: Церковная Исторія, руководство въ Богословской Семинаріи; — 6 час. въ нед.
Г. Колл. Сов. Док. Сарторіусъ: Богословское Нравоученіе, Символическія понятія Капеликовъ и Лютеранъ, упражненія въ догматическихъ диспутахъ; — 9 час. въ нед.

- Г. Надв. Сов. Док. Клейнершъ: Объясненіе книги Іова, посланій къ Коринѳянамъ и посланія къ Эфесемъ, преподаваніе Халдейскаго языка; — 12 час. въ нед.

Юридическій Фак.

- Г. Деканъ, Надв. Сов. Док. Брёкеръ: Положительное Гражданское Право, Россійское Полицейское Право, Россійское Уголовное судопроизводство; — 15 час. въ нед.
Г. Колл. Сов. Док. Клоббъ: Общее и провинціальное Уголовное Право, Герменевика и Экзегеза Права, Юриспруденціальная Исторія Литературы, Римское Право; — 14 ч. въ н.
Г. Надв. Сов. Док. Бунге: Курляндское и Пилльшенское Приватное Право, Лифляндское Эстляндское и Курляндское Публич. Право, Россійское Приватное Право; — 11 ч. въ н.

Медицинскій Фак.

- Г. Надв. Сов. Док. Заменъ: Частная Патологія и Терапія воспалительныхъ (hîstigen) и хроническихъ болѣзней и руководств. въ медицинскомъ Клиникумъ; — 15 час. въ нед.
Г. Спандск. Сов. Док. Дейчъ: Повивальное искусство, женскія болѣзни, руководств. въ повивальномъ Клиникумъ; — 16 час. въ нед.
Г. Сп. Сов. Док. Мойеръ: Теоретическая Хирургія, о Хирургическихъ повязкахъ, упражненія въ дѣланіи операций, руковод. въ Хирургическомъ Клиникумъ; — 17 ч. въ нед.
Г. Сп. Сов. Док. Эрмманъ: Фармакологія, Латинскіе диспуты; — 8 час. въ нед.
Г. Надв. Сов. Док. Ханке: Физиологія, всеобщая Патологія, Естествен. Исторія Млекопитающихъ; — 11 час. въ нед.
Г. Экстраорд. Проф. Док. Гуэкъ: всеобщ. Анатомія; ученіе объ органахъ чувствъ, внутренностяхъ и железахъ; повповренія; указанія, какъ разсѣкать трупы; — 17 час. въ нед.
Г. Надв. Сов. Док. Келеръ: Энциклопедія и методологія Медици, Мед. Антропол. военн. Мед. Полиція; — 8 час. въ н.

Философскій Фак.

- Деканъ, Г. Надв. Сов. Док. Блумъ: Всеобщая Спандистика, Исторія Воспока; — 8 час. въ нед.
Г. Надв. Сов. Док. Шмалъцъ: Хозяйственная Архитектура, объ улучшеніи скота, о ниланіи почвы и распеній; — 11 ч.
Г. Сп. Сов. Док. Іэше: Психологія и Логика, Этика, Цицерона de natura deorum; — 9 час. въ нед.
Г. Сп. Сов. Док. Моргенштернъ: Эстетика, о Платоновой Республикѣ, о Пиндаровыхъ побѣдныхъ Гимнахъ, руководств. въ Латинскомъ слогѣ (въ Семинаріи); — 8 час.
Г. Сп. Сов. Док. Ледебуръ: Ботаника, упражненія въ анализѣ распеній, ботаническія экскурсіи; — 6 час. въ нед.
Г. Колл. Сов. Док. Энгельгардтъ: Минералогія; — 6 час.
Г. Колл. Сов. Док. Шпруве: Теоретическая Астрон.; — 6 час. въ нед.
Г. Ко. Сов. Док. Парротъ: Теорет. и Эксперим. Физ., Физика для сельскихъ Хозяевъ и Камералистовъ; — 8 час. въ нед.

- Г. Ст. Сов. Док. Бартелсъ: Чистая элементарная Математика, дифференціальныя исчисленія, аналитическая Геометрія; — 10 час. въ нед.
- Г. Надв. Сов. Док. Крузе: Всеобщая Исторія, новая Исторія Россіи и Historico-Practicum; — 9 час. въ нед.
- Г. Надв. Сов. Док. Гёбелъ: Эксперим. Химія и Стехиометрія, Фармакогнозія; — 8 час. въ нед.
- Г. Надв. Сов. Док. Фридендеръ: Наука о Финансахъ; Госуд. Хозяйств., практ. упражн. въ комеральн. наук.; — 11 час. въ нед.
- Г. Надв. Сов. Док. Нейе: Истор. Греч. Литерат.; о Геродотъ; о Тибуллъ; одна рѣчь Цицер. въ Семинар.; — 11 ч.
- Незаняты: 1) ординарная Кафедра Гражданскаго Права.
 2) " " " Анапомин и Судбн. Медич.
 3) " " " Росс. Яз. и Словесности.
 4) " " " Гражд. Архитектуры.
- Г. Проф. Росс. Прав. Надв. Сов. Рейцъ, путешествуешь за болѣзнию.

Прибавленіе къ библіогрфіи Ревельской.

Мылкія стихотворенія (Poetischer Strgarten) Г. Насакина. Съ нѣкоторыми изъ стихотвореній сего занимательнаго собранія общаемъ познакомимъ нашихъ Читателей.

Другъ дѣтей для Эстонскаго юношества (Sõbrand, Cesti-Matõrwa lastele), Г. Мазнигомъ. 1852.

Сонъ (Somnium), стихотвореніе на Латинскомъ языкѣ Док. Герспекера. 5я шепрадка. 1852. Въ типогр. Гресселя.

Сверхъ того выходитъ въ Ревель Недѣльная Газета, печ. въ тип. насл. Лидф. —

**Имена подписавшихся Особъ
ошъ 22. Дек. 1831. до 16. Февр. 1832. года.**

- Въ Ревель: Его Пр. Мих. Леонть. Магницкій; Вышгородское Дворянское Училище.
- Въ Рязъ: Его Пр. Г. Генераль-Губернапоръ Осипъ-Зейскихъ Губ. и Попечитель Дерптскаго Учеб. Округа; Генераль-Лейтен., Баронъ Матв. Ив. фонъ деръ Палень.
- Въ С. Петербургъ: А. Ф. Смирдинъ на 10 экзempl.; Его Сіят. Кн. Конст. Яковл. Шаховской; Газетш. Экспед.
- Въ Кронштадтъ: Учеб. Морск. Экипажъ.
- Въ Москвѣ: Его Впрв. Дѣйсн. Тайн. Сов. Ив. Ив. Дмитриевъ; Англ. Клубъ; Его Вб. Г. Де. Сангленъ; Коншора Телеграфа.
- Въ Костромѣ: Г. Протоіерей и Кавалеръ Арсеніевъ; Г. Тнш. Сов. Пеш. Поповъ.
- Въ Псковѣ: Г. Проф. Духов. Семиц. Верещагинъ.
- Въ Орлъ: Его Вб. Т. Совѣщн. Губ. Правл. Александрійскій.
- Въ Корочѣ: Ея Вб. Гжа. Полковница Потемякина.
- Въ Кадомѣ: Его Сіят. Кн. Ник. Алекс. Енгалычевъ.
- Въ Елисаветградѣ: Его Пр. Г. Гепер.-Лейтен. Эккельвъ; Г. Гв. Шпабсъ-Кап. Ник. Маршн. Мейеръ.
- Въ Беломѣ: Г. Шпабсъ-Кап. Ив. Алекса. Нелидовъ.
- Въ Тамбовѣ: Его Пр. Г. Дѣй. Ст. Сов. Кузавъ; Г. Старш. Уч. Пеш. Аббр. Рождественскій.
- Въ Харьковѣ: Г. Студентъ Яковъ Скодовскій.
- Въ Пермѣ: Духовн. Семинарія.
- На Нижнепалагальскомъ заводѣ Демидовой Фамиліи: Коншора завода.
- Въ Лукояновѣ: Г. Шп.-Ротм. и Кав. Жиншковъ.
- Въ Николаевѣ: Г. Одесск. Куп. Филиповъ.
- Въ Одессѣ: Его Бл. Мих. Мих. Кирьяковъ; Его Бл. Дм. Юр. Поназоглу.
- Въ Серпуховѣ: Его Вб. Пав. Андр. Болошовъ.
- Въ Ефремовѣ: Его Бл. Вас. Вас. Артемьевъ.
- На Кушвинскомъ заводѣ Пермск. Губ.: Людвигъ Грастовъ.
- Въ Астрахани: Духовная Семинарія.
- Въ Харьковѣ: Духовный Коллегіумъ.
- Въ списокъ при перв. кн. на строкъ 9. чшт. Подполковникъ, на стр 10. вм. Ея Бл. чшт. Ея Впрв. (прочія опечатки при 4. кн)

Ist zu drucken erlaubt.
Reval, den 16. Februar 1832.

Im Namen der Civil-Oberverwaltung
der Ostsee-Provinzen.

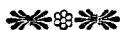
Regierungs-Assessor Baron v. Rosen,
in Abwesenheit des Censors.

Содержаніе Радуги:

	Стр.
Къ Избраннымъ о воспитаніи	73.
Замѣчанія Мещера о Философіи въ Германіи въ 1829	82.
Письмо къ издателью	96.
Опшомокъ опъ философскаго мозаика спеннаго опшельника	98.
Опвѣтъ	107.
Анна Маргарета Цванцигеръ	108.
Басни: Ручной и дикіе журавли	112.
Собачья службы	113.
Изъ перенски Жан-Поля Фридриха Рихтера съ Христіаномъ Опшо, продол.	114.
Біографическое извѣстіе о Гегель	127.
Неошеллингизмъ	130.
Обращеніе Спенсенса	132.
Университеты въ Испаніи	134.
Замѣчательная черта воспитанія въ Германіи	134.
Что есть пспина?	135.

Содержаніе Оптъ-Зейскихъ Записокъ:

	Стр.
Монастырь Св. Миханла въ Ревель	15.
Чшенія въ Императорск. Дерптск. Университетѣ	25.
Прибавленіе къ бібліографіи Ревельской	25.

Журнала сего выходить ежемѣсячно по одной книжкѣ, величиною опъ 3хъ до 6пи и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 12. книжекъ, въ Ревель 20, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 24 рубля асс. — Въ Москвѣ подписка припимается въ Газетной Экспедиціи и въ Кошторѣ Телеграфа, въ С. Петербургѣ въ Газетной Экспедиціи и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Прочіе Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться также на имя издателя Андр. Ив. Бюргера въ Ревель. —